

РЕШЕТОРСКИЕ ВСТРЕЧИ

АЛЬМАНАХ

№ 6

Управление культуры Администрации г. Березники
Муниципальное автономное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система»
Центральная городская библиотека им. Н. А. Островского

РЕШЕТОВСКИЕ ВСТРЕЧИ

АЛЬМАНАХ № 6

*сборник работ лауреатов XXII фестиваля-конкурса
литературного творчества «Решетовские встречи»*

Березники, 2023

ББК Р2п
Р47

Решетовские встречи: альманах № 6 : сборник работ лауреатов XXII фестиваля-конкурса литературного творчества «Решетовские встречи»/ Управление культуры Администрации г. Березники ; Муниципальное автономное учреждение культуры «Централизованная библиотечная система» ; Центральная городская библиотека им. Н. А. Островского. – Березники, 2023. – 111 с. : ил.

Альманах содержит работы лауреатов и обладателей специальных дипломов XXII фестиваля-конкурса литературного творчества «Решетовские встречи». Орфография, пунктуация и стилистика – авторов произведений.

ДРУЗЬЯ СОБИРАЮТСЯ ВНОВЬ

Фестиваль, посвящённый Алексею Решетову, российскому поэту, заслуженному работнику культуры РФ, Почётному гражданину г. Березники, организовали в Березниках в 22 раз. Его проведение поддержала компания «Уралкалий».

Значимое событие

– Радует, что фестиваль «Решетовские встречи» стал значимым для всего Прикамья культурным событием, – отметил Евгений Зыбин, депутат Законодательного собрания Пермского края, директор по производству ПАО «Уралкалий». – Здесь открываются новые имена, встречаются талантливые люди, которые могут получить оценку своим творческим поискам. Кроме того, фестиваль помогает приобщиться к творчеству поэта, которого мы все любим и ценим. Приятно осознавать, что Алексей Решетов трудился на нашем предприятии, и его творчество знают по всей стране.

Алексей Леонидович трудился электрослесарем, начальником смены на солемельнице, старшим мастером отделения размола на Первом калийном, он награждён Знаком «Шахтёрская слава» III степени.

Фестиваль «Решетовские встречи» всегда проводится в день рождения поэта 3 апреля, на этот раз он проходил в течение трёх дней с 1 по 3 апреля. По традиции его открыли у памятника Алексею Решетову. Вспоминали биографию поэта, историю фестиваля, читали стихи, а яркие гвоздики от березниковцев заалели у подножия монумента.

– Первый фестиваль был организован по инициативе литературной общественности города, – напомнил собравшимся Александр Моисеев, и.о. заместителя главы администрации. – Важно чтить традиции, развивать преемственность и быть благодарными наследниками великой русской культуры, частью которой стало творчество Алексея Решетова.

Простор для творчества

Основные творческие площадки фестиваля работали в его первый день в одном из зданий Культурно-делового центра – в бывшем Доме учителя. Гости могли увидеть лирический сеанс рисования от воспитанников Школы развития талантов им. Л. А. Старкова и выставку их работ «Поэту по букету» по мотивам стихотворений Решетова; сфотографироваться с участниками перформанса «Поэт и муза» и на поэтической скамейке; познакомиться с экспозицией из фондов краеведческой библиотеки; поучаствовать в интеллектуальном состязании, задания которого были посвящены жизни и творчеству А. Решетова. Также были представлены интересные экспонаты из фондов компании «Уралкалий» и музея образования.

Город, который меня вдохновляет, выставка

Большой интерес вызвала выставка книг-миниатюр из коллекции Владимира Нуждина (г. Пермь). Книги в маленьких, чуть больше ладони, шкафчиках, крошечных ёмкостях, которые можно уместить в кулаке. И в каждой из книг-крошек имеется текст, который при желании можно разобрать при помощи лупы. Владимир Нуждин работает переплётчиком, а миниатюрные книжки делает в свободное время и охотно дарит их в качестве сувениров.

Ирине Гросу на «Решетовских встречах» подарили набор необычных книжек. Ирина рассказала:

– Были у меня разные книжки, но таких крошечных я ещё в руках не держала. Семь штук в одной небольшой склянке! Самое интересное, что в каждой такой крошке есть текст, можно с лупой разобрать. Это подарок от умелого человека Владимира Нуждина. В его коллекции множество таких малюток в мини-шкафчиках и всяких ёмкостях.

Книжки-малютки Владимир мастерит в минуты досуга, и большинство из них уходит в люди.

Опыт и традиции

Главная цель фестиваля-конкурса – открыть новые имена и продолжить литературные традиции. В 2023 г. конкурс прошёл в трёх номинациях: традиционные «Поэзия», «Проза». Кроме того, в честь Года педагога и наставника учредили номинацию «Вот вам – крылатые учителя, вот вам – искусство полёта и пения...». В ней творческие работы посвящались педагогам и наставникам.

Работы оценивались в двух возрастных категориях – от 14 до 35 лет и от 36 лет и старше. В конкурсе участвовали 156 человек: жители разных регионов нашей страны, из столицы, региональных центров и российской глубинки.

Оценивали работы участников поэты и писатели из Перми **Татьяна Соколова**, **Алексей Мальцев** и **Юрий Калашников**. Они стали почётными гостями фестиваля-конкурса «Решетовские встречи».

Пермский писатель Алексей Мальцев, автор 25 книг, «жюрил» номинацию «Поэзия»:

– Мне довелось прочитать более работы 120 авторов. Есть начинающие, обещающие ребята, например, Алексей Чердаков из Челябинска, Ольга Абатурова из Перми, Игорь Михайлов из Лысьвы. Удивительно, что столько желания творить, когда в наше время поэзия не приносит ни дивидендов, ни славы. Замечательно, что проводится такой фестиваль, это чудесная традиция, рад, что меня впервые пригласили в качестве эксперта.

Прозаик и публицист Татьяна Соколова – эксперт конкурса с первого фестиваля (1999 г.).

– Вспоминается, как проходили первые фестивали, ощущение праздника, – рассказала Татьяна Фёдоровна. – Фестиваль стал всероссийским, и нынче география участников особенно разнообразна. К сожалению, в некоторых номинациях не были присуждены первые и призовые места. Дело в том, что мы не хотим опускать планку, хочется поддерживать высокие требования Алексея Леонидовича.

На церемонии награждения

Высокая планка

Высокую планку фестиваля поддержали и березниковцы. В номинации «Поэзия» (1 возрастная группа) второе место у Михаила Куимова. Он уже не раз получал дипломы фестиваля в прошлые годы. В этом году Михаил стал ведущим поэтических чтений «Сентиментальная история».

– Для меня фестиваль «Решетовские встречи» стал семейным праздником, который я жду с нетерпением каждый год, – говорит поэт.

Галина Маринова, известный в Березниках автор, завоевала первое место (вторая возрастная группа) в номинации «Вот вам – крылатые учителя, вот вам – искусство полёта и пения...» Галине Афанасьевне не раз вручали награды фестиваля, но это для неё – особенная. Автор рассказала, что впервые на конкурс она выставила эссе. Она написала об Эдуарде Родионовиче Малиновском, учителе пения школы №2, где она училась 11 лет. Это был сын известного в СССР маршала Родиона Малиновского.

Галина Маринова, автор из Березников

– Как-то сидели с подружкой в кафе и увидели необычного человека с бородкой, в шляпе и с тросточкой. Решили, что это актёр, приехавший на гастроли, – вспоминает Галина Афанасьевна. – Было много разговоров и догадок, а когда начался учебный год, он пришёл к нам в класс с очень красивым аккордеоном. Это был очень интересный человек, оставался после уроков на репетиции, ставил с нами спектакли.

Больше площадок, хороших и разных

На второй день фестиваля его площадки переместились в музей. Так, в музее компании «Уралкалий» состоялся День открытых дверей. Все желающие могли побывать на экскурсии по экспозиции, увидеть выставку «Калийные этюды», посмотреть документальный фильм «Белый лист», посвящённый Алексею Решетову.

А третий фестивальный день прошёл в библиотеках города, где состоялись творческие встречи с поэтами, прозаиками, авторами творческих и социокультурных проектов из Екатеринбурга и Челябинска.

Многие участники фестиваля «Решетовские встречи» отмечают его необыкновенно тёплую, дружескую и творческую атмосферу и говорят, что уже не представляют культурную жизнь Березников без этого события.

Лирический сеанс рисования

Перфоманс "Поэт и муза"

Пожелания-птицы со стихами А. Решетова

В зале фестиваля не бывает пустых мест

Источник:

Гросу, И. Друзья собираются вновь : фестиваль "Решетовские встречи" вновь собрал единомышленников – поэтов, писателей, журналистов, издателей, любителей творчества / И. Гросу // Березниковский рабочий. – 2023. – 4 апр. – С. 4. – (Территория культуры).

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ ОТ ГЕОГРАФИИ

В двадцать второй раз в столице Верхнекамья прошел фестиваль литературного творчества «Решетовские встречи». По случаю Года педагога и наставника, объявленного в России, в рамках конкурса была объявлена особая номинация.

В том, что в Березниках творчество Алексея Решетова (1937-2002) помнят и любят, убеждаешься с первых минут.

Бутерброд по-решетовски

Стоило, например, прислушаться к песням, которые звучали из колонок на церемонии у памятника поэту, и уже можно было различить знакомые строки.

И. о. замглавы администрации города Александр Моисеев в своем вступительном слове остановился на том, как важно сохранять национальные святыни. А творчество Решетова, бесспорно, достояние не только Прикамья, но всего Урала.

Один из старейших поэтов Верхнекамья Иван Волков, знавший Алексея Леонидовича лично, напомнил собравшимся о первых годах проведения литературного фестиваля (впервые «Встречи» были организованы в 1999 году – авт.)

Строки поэта прозвучали в исполнении детей, воспитанников детского сада № 80, что было особенно трогательно.

В здании Березниковского культурно-делового центра, где награждали победителей, поэзия Решетова тоже ощущалась всюду, даже в меню, которое предложили радушные хозяева после долгой дороги. Например, жуешь бутерброд, и вспоминаешь:

Мы в детстве были много
откровенней.
- Что у тебя на завтрак?
– Ничего!
- А у меня хлеб с маслом
и вареньем.
Возьми немного хлеба
моего...

Строчки из воздуха

Как водится, награждение – верхушка айсберга. Его подводная часть – кропотливая работа членов жюри, предшествовавшая торжеству. Прозаику Татьяне Соколовой (председатель), поэту Юрию Калашникову и вашему покорному слуге предстояло рассмотреть и оценить более 150 заявок, поступивших на конкурс. От географии присланных творений голова шла кругом: Самара и Иркутск, Липецк и Владивосток, Киров и Архангельск, Тверь и Москва... Не говоря уже о городах и весях нашего края.

На березниковский праздник приехали писатели, издатели и просто неравнодушные к поэзии люди со всего Урала: культуртрегер и издатель

Марина Волкова (Челябинск), поэт и журналист Андрей Санников, кстати – уроженец Березников, поэт и прозаик Андрей Сальников (оба – Екатеринбург). Их выступления на круглом столе, искрометные экспромты на лету, непередаваемое общение в кулуарах – разве такое забудешь!

И мастер-классы... Кому из начинающих литераторов не хочется услышать из первых уст о секретах стихосложения, постичь магию метафор и образов, проникнуться поэтической энергетикой.

И, конечно, неотъемлемый атрибут таких фестивалей – свободный микрофон, где ведущим был один из призеров конкурса, березниковский поэт Михаил Куимов, Свои стихи здесь мог почитать любой из приехавших в город.

Покидали гостеприимный город мы с твердой уверенностью, что лирика Решетова осталась не только на страницах его книг и в сердцах его почитателей, она растворена в воздухе. Надо лишь прислушаться, и ты ее услышишь.

*Члены жюри у памятника:
Юрий Калашиников, Татьяна Соколова, Алексей Мальцев*

Источник:

Мальцев, А. Головокружение от географии : в двадцать второй раз в столице Верхнекамья прошел фестиваль литературного творчества "Решетовские встречи" / А. Мальцев // Звезда. – 2023. – 21 апр. – С. 21. – (Лукоморье).

Алексей РЕШЕТОВ

«ЕСТЬ НЕИЗБЫВНОЕ ЖЕЛАНЬЕ СВОЙ ДУХ КОМУ-ТО ПЕРЕДАТЬ»

* * *

Я по-прежнему друг босоногим
И вихрастым мальчишкам, как встарь.
Будто вспять побежали дороги,
Будто снова – косматый букварь.
Снова – в бочке условная буря,
Парус, сорванный прямо с куста.
Не могу я печалиться. Хмурым
Никогда мне, пожалуй, не стать.
Нет, войну не в кино мы смотрели,
Не минула нас эта гроза –
Всё я видывал: доты и щели,
Медсестрёнок озёра-глаза.
Налетал с пацанвой на галеты,
Повзрослел за бомбёжки не в срок.
И ещё с сорок первого лета
Похоронную батьки берёг.
Пусть беда неминучая схватит –
Все оковы, все путы порву! –
Я смеюсь

за себя и за батю,

За себя и за батю –

живу!

1958

* * *

В поэзии нет каскадеров,
Дублёров отчаянных нет.
Никто на опасную пору
Тебя не заменит, поэт.
И коль вдохновенье покинет,
То мысли кручёный аркан
Никто за тебя не накинёт
На выи летящим векам.

1970

* * *

Тускло светится лунная медь.
Люди смежили тёмные веки.
Люди спят, репетируя смерть,
Пусть премьера не в нынешнем веке.

Лишь какой-то поэт до сих пор
Не уснул, не храпит, не зевает.
Это самый бездарный актёр,
Он всегда постановки срывает.
И хотя уже близок рассвет,
Режиссёрских удач не заметно.
Знать, пока существует поэт,
Человечество будет бессмертно.
1970

* * *

Надо мною мышиный горошек
И прозрачные крылья стрекоз.
Люди, люди, не мне вас морочить:
Не достоин я вздохов и слёз.
Но денёк принахмурился вроде.
Но рябиновый прутик поник.
Как бы ни было там,
а природе
Дорог каждый её ученик.
1978

* * *

Смешно высасывать из пальца
Шедевры, сидя за столом.
Поэт рождается скитальцем:
Весь мир – его родимый дом.
Возьми-ка посох и котомку,
Надень покрепче сапоги,
Чтобы далёкие потомки
Твои слышали шаги.
1986

* * *

Художник может и не рисовать,
Не прикасаться кисточкой к палитре,
Сидеть себе, и водку попивать,
И утверждать, что истина в пол-литре.
Но он художник. Стало быть, должник
Не наш с тобой. Не мэра Иванова.
Но Господа. Он Божий ученик.
Он Божья длань
в известном смысле слова.
1996

ИЗ ДЕТСТВА

Я в птиц не стрелял из рогаток,
И кошек любил, и собак.
За это другие ребята
Меня называли «слабак».
Я прыгал с того же сарая,
Курил тот же самый табак,
Но, дружно меня презирая,
Они повторяли: «Слабак!»
Лишь девочка в штапельной форме,
С нектаром на тёплых губах,
Ни разу – уж я это помню! –
Не молвила слова «слабак».
И стало мне вдруг безразлично,
Что сильные мира сего
Меня оскорбляют публично,
Не приняли за своего.

1997

* * *

Я умер и в землю сырую зарыт.
Но нет, я не буду друзьями забыт.
Успел я в предчувствии вечного сна
Купить и оставить еды и вина.
Друзья соберутся меня помянуть,
А мне, невидимке, и любо взглянуть!
Ещё оставляю я полочку книг –
Читайте и черпайте истину в них.
Ещё я на вас оставляю вдову,
В неведомый мир за собой не зову.
Жалейте её, берегите её –
Ведь это же сердце второе моё.

1998

* * *

Есть благодать исповеданья.
Есть покаянья благодать.
Есть неизбывное желанье
Свой дух кому-то передать.
Волна стихов твоих и песен,
Твоих надежд за много лет –
Всё это превратится в плесень,
Не выходя на белый свет.

2002

* * *

Всё, что в памяти моей
Сохранилось, схоронилось,
Я б хотел в кругу друзей
Рассказать – явите милость.
Но извольте замолчать,
Если друг открыться хочет,
И не знает, как начать,
И не знает, чем закончить...

* * *

Когда ни кусочка в столовой,
Когда ни глоточка воды –
Великое русское слово
Останется нам за труды.
И что ещё нужно иного?
Нет горше и слаще беды.
Великое русское слово –
Его золотые лады.

*«Решетовские встречи», июнь 1999 г.
Фото В. Брандмана*

*«Решетовские встречи», 2002 г.
Фото В. Брандмана*

**НОМИНАЦИЯ
«Поэзия»**

1 возрастная категория

Екатерина МАЛИНОВСКАЯ

ЕДОКИ КАРТОФЕЛЯ

Сгоревший лес пустой и серых облаков
Тяжёлая налившаяся влажность
Повалены грозой тугие деревья
К ним тянется упавшая трава
Как будто это я, глаза-роса
И тело как зелёная стрела
Прозрачная, уснула – ожила
На длинном лепестке качается отважно
Душа, что мне дана за каплей капля
С напутствием отцовским береги
И жидкость цвета вызревшей ирги
Окрасила дорожки новых вен
Сплетённых так затейливо затем
Чтоб лес и облака в себя впитать
До капли выпить, выпить и отдать
Земле с такой же жадностью и жаждой
Как было мне дыхание дано
На век, что этот лес, многоэтажный

Как люди, умирают дневники.
Воспоминания мертвые послушай.
Неслышно, но бывшее просит душу,
И та по-птичьи кормится с руки.

Когда-то, вспомни, жизнь была рекой
В тени простого маленького сада.
Твоя улыбка, и коса – ограда –
Плетёною чернеет полосой.

И чайные печальные глаза.
На фотографии мы будто в теплой чашке.
Я в полосатом платье-рубашке,
А где-то в листьях прячется оса.

Живые краски мертвой красотой
У времени за пазухой застыли.
Боюсь произнести... Скажи, мы были
В саду с тобой?

ЕДОКИ КАРТОФЕЛЯ

Мой друг меня на полке не нашел.
Я ем картофель. Это хорошо.
Мои спокойны руки и живот.
Красива тень на фото. Стрелок счёт.

Читаю сообщение в тиши:
Мол, sorry, ты со мною не дружи.
Ко мне придут, и пол не мыт давно,
Не выплюсь... В общем, не идём в кино.

Прочитано. Я в спальню ухожу.
Расстанемся, хоть я и не спешу.
Иду на кухню. Продолжаю счёт.
Я ем картофель.
Это
Всё
Пройдёт.

«ночью я лежу мечтаю...»
Петр Мамонов

я хочу жить в мире без людей
в царстве белокаменных идей
чтоб кивала мне, всегда права,
белая Платона голова

чтобы, вне природного закона,
Хайдеггера Ницше и Генона
призраки летали в вышине
и спокойно улыбались мне

в стороне стою мечтаю я,
тихая живая статуя.

Во дворе застыло время.
Снег решеткою накрыт.
Тенью сетки баскетбольной,
мне не больно мне не больно –
Из-под сетки снег твердит.

Вот енот, а вот лисичка
Спит в бумажном колпачке.
В фантик жёлтенький одета,
Спит бумажная конфета
На заснеженном сучке.

Время стрелкою застыло,
Встал бумажный циферблат.
Пять минут – и всё, что было
Между мной и жизнью, было
Пять минут назад.

Михаил КУИМОВ

Когда языковой барьер пройду,
Без задних ног отправлюсь в Куеду.
А там, где площадь вымощена не,
Кто сможет отказать в покое мне?

Вползая за порог твоих татар,
Я имя их приму как божий дар.
Но не заплачу, а покроюсь льдом.
Я снова дома. Я обратно дом.

КУ-КУ

Чужая женщина мне открывает двери,
И я вхожу вовнутрь по потолку.
Парит разлитый феррум в атмосфере.
Чужая женщина мне говорит: "Ку-ку!".

Я прохожу по комнатам, я раньше...
Я раньше жил здесь, а потом исчез.
Чужая женщина, цвет глаз её оранжев,
Заговорила языком веществ.

Я жил здесь. Ничего мне не знакомо.
На стенах сыпью проступает йод.
И напряжение не по закону Ома
Растёт.

"Кто ты такая?!" – я кричу. Она кивает,
Снимая волосы с себя, за прядью прядь.
Железо, окисляясь, покрывает
Кровать.

Чужая женщина ложится: "Тише, тише...
Однажды я была лесной травой.
Я сына родила. Он назван Мишей" –
И прячется под саван с головой.

Она лежит в крови, внизу, босая,
В зелёном платье, на поляне, на боку.
И я бегу, опять её бросаю.
И кто-то вслед мне говорит: "Ку-ку!"

В СВЕТЕ СОБЫТИЙ

Стояли долгие собаки
И неподвижный лили взгляд
В костёр окна.
Мерещил снег, что в полумраке
Из композиции изъят:
Лишь тьма одна.

Жизнь, не похожая на подлость,
Не зарясь, разевала пасть,
В двойной проём.
И дом, подсвечиваясь, в полость
Беззвёздную не мог упасть.
Они втроём

В охвате виделись экрана:
Вдоль зрения текущий свет,
И ночь лежит.
И странно, как совсем не странно,
Что ничего в округе нет.
Лишь it.

упал действительный прохожий
и покатился как бревно
сухое крымское вино
древесною сочилось кожей
темно темно оно
темно

собаки шли вдоль тротуара
держа огарки свеч в руках
из черных лужиц впопыхах
лакая плоть и дух нектара
и плоть его и дух
и страх

текло действительное древо
текло и пахло сургучом
свистели птицы не при чём
осиротело почва прела
и кровь свернулась калачом

Грудные озёра

Со дна

Родных поднимайте сестёр

Озимые поводыри

Дарители

Поля и зренья

Сомкнитесь

Плечами

Суд на

Подводный уводит костёр

Саднящего взор

Снегиря

За каменное

Оперенье

**СО-ПРИКОСНОВЕНИЕ МИРОВ
(верлибр)**

Лёд на реке поскрипывает,
Полуприкрыв глаза.
Устал лежать в одной позе – спина занемела.
Спасибо, да, массаж очень кстати.
Ещё вот здесь промните. О, хорошшоо!..

Один белый лёгкий жучок
Тянет на оранжевом тросе-шарфе
Другого. Большого, старого, потемневшего от течения жизни.
Тот кряхтит,
Брызжет снегом из-под колёс,
Неуклюже выкарабкивается из сугроба.
Ползут друг за другом дальше
По белому драценовому листу дороги.

Выпуклые, с ниточками прожилок,
Брёвна стен примолкли.
Иссякла эйфория,
Больше не поют пронзительным ароматом сосны.
Задумались, притихшие.
Любуюсь их солнечной белизной.

Огонь шепчет древние сказки.
Речитативом задаёт ритм своему ритуальному танцу.
Невидим – и видим
За тёмным стеклом двери.

Жар печи
Прижимает ладони
К моему плечу
Боку
Бедру.
Надавливает
Мягко.
Весом своего тела
Плавит напряжение
В моём.

Соприкосновение миров.
Легко.
Кончиками крыльев.

Дыхание
Полёт
Воздушных течений.
Прикасаются – но не перетекают, не размывают края друг друга.
Не спорят за место – сосуществуют.
Светлячковые гирлянды
Зажигаются в сумерках.
Искорки со-чувствования, со-бытия –
В глазах.

И вот пора гасить свет.
Пора отдыхать.
Пора выдыхать.

Хорошо – быть.
(2023)

СОСНА, ТАНЦУЮЩАЯ НАД ОБРЫВОМ (верлибр)

Подойди поближе.
Видишь эту сосну, танцующую над обрывом?
Смотри, как красиво она изогнула руки-ветви.
Одну протянула вниз, к морю, другую – вдаль, к подрагивающей кромке неба.

Шагни ближе, ещё ближе.
Прикоснись к жёлто-коричневой коре.
И закрой глаза.
Погладь кончиками пальцев шершавые тёплые чешуйки.

Вдохни поглубже.
Чувствуешь аромат?
Сладковатый, сухой, тёплый.
Это солнце так долго грело сосновый ствол, что он зазвучал.

Дыши глубже, ещё глубже.
Пусть аромат пропитывает всё твоё тело.
Пусть расслабляются плечи.
Пусть распрямляется спина.

Слушай.
Это поёт солёный ветер в танцующих руках-ветвях.

Внимательно слушай.
О чём он расскажет тебе сегодня?

(2022)

И Я БЫЛА ОКЕАНОМ

(верлибр)

И я была океаном. Солнце погружало длинные пальцы в толщу моих вод.

И в тот же миг я была гигантским синим китом, плавно танцующим в волнах солёного голубого света.

И я опасалась собственных чёрных глубин. (Кто знает, что в них таится?..)

И я расслаблялась. Позволяла себе быть. Быть сразу и светом, и тьмой.

И я дышала. Вздымала и снова опускала исполинскую грудную клетку своих вод.

А потом! Я швыряла! Потoki воды! Со всей мощью! Которая только! Во мне!
Есть!

Я танцевала свой яростный танец! Полный разрушения! И – жизни.

А потом вдруг ярость схлынула.

И я опустилась на жёлтый песок, опустошённая и тихая.

И стала гладить его ладонью, глядя из-под полуприкрытых век в акварельное небо.

И одновременно с этим я была самым акварельным небом. И чайками в нём.

И я дышала. Вдох. И выдох... Вдох. И выдох...

А потом я ехала домой по мосту над простором китового цвета речных вод.

И слева был ещё вечер с размазанным по тарелке неба кремом только что доеденного заката.

А справа – уже ночь, увешанная бесчисленными гирляндами зажжённых окон.

И я снова была китом, медленно танцующим в толще мировых вод.

И самым мировым океаном, и его тьмой, и его светом.

И я дышала. Вдох. И выдох... Вдох. И выдох...

(2022)

**НОМИНАЦИЯ
«Поэзия»**

2 возрастная категория

Алексей ЧЕРДАКОВ**СЛЕСАРЬ ЩУКИН**

За стеною живёт слесарь Щукин,
Худощавый, невзрачный сосед.
У него – ребятишек две штуки,
И жена, словом, всё как у всех.

За окном тот же век торопливый,
И забот в голове – толчея.
Он меня не намного счастливей,
Хоть и меньше несчастней, чем я.

Он на жизнь смотрит просто и трезво,
Не читает стихов ерунду.
Он давно отыскал своё место,
Ну а я – всё никак не найду.

И теряясь в сомненьях крошечных,
Пропадаю без сна и огня...
А в саду – полыхает черешня
И дымит беспросветно три дня.

ЧЕЛОВЕК–ЧЕБУРЕК

На работу идёт человек,
По дороге грызёт чебурек:
Человек – чебурек,
Чебурек – человек,
Сок меж пальцев течёт.

В самый дождь и отчаянный снег,
Только в окнах затеплится свет:
Человек – чебурек,
Чебурек – человек,
Свой всегдашний грызёт.

А когда вдруг поймёт, что догрыз,
Весь собой опрокинется вниз
Или, может, наверх,
Предположим, в четверг...
И в тьме будней заснёт.

КРУГИ И ПЛАВНИКИ

Лепет. Лебедь. Лебеда.
Облепиховое лихо.
Блажь облепит ли, беда,
Боль накликаемая лихо,

Черти, черви, четверги,
Причитания Пречистой:
Лей елей, как лил Верги...
Только лей, нет, лий, речисто!

Сколько в помыслах благих
Дыр (бултых!) карманных.
В оплеухах облепих –
Тумаков туманы...

Я бросаю в воздух слово,
И расходятся круги...
И мерцают бирюзово –
Звёзд скользящих плавники.

ИЗ НОВОСТЕЙ

Тут человек какой-то помер,
Не знаю, что за человек:
Чудак поэт ли, я не понял,
Освободившийся ли зэк...

А стало отчего-то грустно,
Как будто вечером в окне:
Шальная ветка резко хрустнув,
Сломала что-то и во мне.

ЁЛКИ

Собрался в лес. Срубил две ёлки...
Стрельба. Арест. Сибирь. Наколки.

Ольга АБАТУРОВА**ЯБЛОЧКО**

Когда хочу, тогда и Пасха,
Все времена в единый шаг.
И в каждой сказке доля сказки:
Один дурак, один ишак,

Одна украденная Лена,
Один финал, где всё добром
Кончается. А после – пена
И ночи южной серебро,

И азиатские напевы,
И скульпы Камских берегов.
Я выхожу. Теперь налево,
В янтарь и малахит лугов,

Под тёплый дождь, в объятья радуг,
Под звон стрекоз, из сказки вон.
А здесь ветра и снегопады
И август – прошлогодний сон.

И сколько ни пиши – не будет
Конца, где пиво по усам.
Лежало яблочко на блюде
И улыбалось небесам.

Ни неба в алмазах, ни запаха хвои,
Белила и хлорка, обратный отсчёт,
Пусть я не умею играть на гобое,
Но слышу, как время в гобое течёт,

Как время на выдох струится и плачет,
Как время на вдох, замирая, молчит,
Пусть ангелы смерть мою переинчат,
Из жизни моей напекут калачи.

Молитва разлита по рюмкам зелёным,
Не чокаясь, молча её вознесём.
Услышит на небе Святая Алёна
И сделает пухом сырой чернозём.

РОДИНКА

На коленке родинка,
у папы, кажется,
такая же была,
папа мне накапал,
нет, наплакал
в рюмку из зелёного стекла

сорок капель горечи полынной,
пью без тоста,
пустота в груди.
Я прошу,
найди мне, папа, сына
или сам обратно приходи.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Море спит, оно устало,
Ночь, большое покрывало, кутает его.
Прыгнет кит в мои ладони,
На груди моей утонет, только и всего.

Брякнет муха в звон графина,
Народится Катерина, белая мука.
Белым светом – бабья доля,
Распущу себя на роли пылью мотылька.

Жаба-жаба, где твой юмор,
Кто болел, не сразу умер, цифрами в гранит.
Море спит до новой встречи,
Время вынырнет по плечи, сосчитает дни.

Я сорока, я ворона,
Без дворца, крыльца и трона, ливень в решете.
Море-море, сколько боли –
Босиком бежать по полю, плыть по лебеде.

под небом отраженье неба,
под облаками – облака.
и воздух хочется лакать,
забыв, что выглядишь нелепо.

большое блюдце молока
медведица заденет лапой,
и долго будут звёзды капать,
и снега сыпаться мука.

Игорь МИХАЙЛОВ

НЕ ДО ВИРУСА

Распоясался вирус...
Тоже, в общем-то, вежа!
С ним воюют по миру
С переменным успехом.
На каприз пандемии
Чертыхаемся все,
А в душе – ностальгия,
Нас другое волнует:
Всё не так, как когда-то,
Наши чувства – в прорехах,
И мы ставим заплаты
С переменным успехом.

ТАКАЯ МАЛОСТЬ

Заиндевшее стекло –
Рисуй, что хочешь!
Рисуй, пока не рассвело,
В тандеме с ночью.
Рисуй знакомых черт овал,
Что так волнуют.
Пусть тают, как оригинал
Растаял все.
Теперь – лишь холодность минут
И хлад овала.
Лишь только копии придут
Оригинала...
Ушёл так просто человек
В студёных хаос.
По сути, даже целый век –
Такая малость!

ПОД ПАНЦИРЕМ

Из-за постоянных санкций
И словесной лебеды
У меня развился... панцирь.
С ним хожу – туды-сюды.

Из-за панциря не слышу
Неприятных новостей.
Превратится панцирь в крышу:
Как улитка стал, ей-ей.

Мир не испарился, вроде,
Люди мимо шебуршат,
Интравертят, колобродят.
Молодые учат мат.

Только как-то всё нечётко,
По касательной – в туман.
Как в берушах и под водкой.
Будто неисправен кран:

Тихо капает, но бесит,
Как с утра собачий лай
Или фейки в жёлтой прессе.
Нет, ребята, это – край.

Подскажите мне, троянцы,
Жизнь куда меня несёт?
Где я сброшу этот панцирь?
Что задумал кукловод?..

СОАВТОРСКОЕ

С улыбкой черепахи на губах,
Такой же неприметной для сторонних,
Считаю кипу порванных рубах,
Чтоб впредь их рвать смелей и изошрённей.

Червяк сомнений (к удивленью – мал,
А ведь когда-то числился удавом!) -
Насажен на крючок, летит в астрал.
Но – не клюёт... А значит – буду правым!

Уверенный в одном – друзья поймут,
Оформлю сам себе навечно визу
В любой бардак, где... ну никак не ждут,
Без чувства ипотеки и ленд-лиза.

Я – не фанатик. Даже не фанат.
Не жгу мостов между «вчера» и «завтра».
Зачем? Я лишь в «сегодня» нарасхват.
Судьба творит. И я – её соавтор.

ГОЛУБИНОЕ

Распогодилось не на шутку,
Нету повода загрузить.
Где-то слышится: «Людк, а Людк!».
Голубиная вьётся нить.

Прорезает она пространство:
То в деревню, а то – на пляж.
Появляется жажда странствий,
Понимаешь, что есть кураж.

Временные ложатся петли,
Жаль, всё будет не как «тогда».
Понимаешь ты это, нет ли,
Но в реке – другая вода.

Поколение Интернета
Людкой к телику не пришьёшь,
У него другие ответы
На вопрос: «Ты зачем живёшь?».

Не ворчу... Констатация факта.
А мою временную нить
Не порвут ни Инет, ни трактор,
Пока слышу: «Беги, дядь Мить!».

НОМИНАЦИЯ
«Проза»

1 возрастная категория

Марина ЩЕЛКАНОВА

СМУТНАЯ ЖИДКОСТЬ

Агата не любила готовить. Поставить чайник на плиту или нарезать бутерброды с сыром она была ещё согласна, но всякий рецепт сложнее яичницы внушал ей ужас. Впрочем, и особенным аппетитом она не отличалась. В те редкие вечера, когда я оставался у неё, Агата садилась в кресло и заворожённо наблюдала за моими священнодействиями у духового шкафа и буфета. Когда я спрашивал, чего бы ей хотелось, Агата неопределённо пожимала плечами и позволяла мне самому решить, что у нас будет на ужин.

– В конце концов тебе придётся научиться обращаться с ножами и сковородой, милая, – заметил я как-то раз. – Не всегда же я буду приходить сюда.

– Не мешай мне тебя любить, – ответила Агата и потянулась за поцелуем.

Агата бывала нежной, бывала резкой и даже злой. Когда я долго не приходил к ней, она закрывалась от меня в своём непостижимом мире вышивания, акварельных рисунков и кроссвордов. Иногда она доставала коробку с пазлами и целый вечер могла не проронить ни звука, подбирая картонные квадратики друг к другу. Я в такие моменты с трудом находил слова, чтобы вызвать её лёгкую улыбку, но безотказно работало одно средство – горячий шоколад. Как только Агата чувствовала ароматное тепло растопленного шоколада, она тут же забывала обиды, и глаза её начинали сверкать, как далёкие звёзды в ясную зимнюю ночь.

Однажды на исходе осени я был так занят своей обычной жизнью и домом, что целый месяц не появлялся у Агаты, хотя и знал, что она каждый вечер подолгу смотрит в окно на асфальтовую дорожку под фонарём в надежде увидеть мой силуэт. Как-то в минуту откровенности она призналась в этом, и с тех пор видение не идёт у меня из головы. И хотя Агата постоянно упрекала меня в нелюбви, думал я о ней постоянно. Этот загадочный образ поселился в моих мыслях, и никак не исчезал. Но вот выдался свободный вечер, и, как мне видится это со стороны, мой силуэт наконец-то появился под её фонарём.

Агата встретила меня холодно и настороженно, но постепенно оттаяла от поцелуев и ласк. Потом мы пошли на кухню. Агата, как и прежде, устроилась в своём кресле, а я направился к холодильнику. В дополнение к привычным десятку яиц, кусочку сыра и вскрытому пакету молока я обнаружил кастрюлю с неопределённым содержанием.

– Что это?

– Смутная жидкость, – пожалала плечами Агата.

– Ты хотела что-то приготовить?

– Скорее, вырастить. Но что выросло, то выросло – само виновато.

Больше я ничего не добился. Когда я предложил вылить «смутную жидкость» и освободить кастрюлю, Агата попросила этого не делать, а поискать какую-нибудь другую посуду. Тогда я вскипятил чайник и запёк

несколько бутербродов с сыром, мысленно упрекая себя: «Она и так постоянно этим питается».

Потом я остался на ночь. Агата почти сразу задремала в моих объятьях. Мне не спалось, но я старался не шевелиться, чтобы не потревожить её. В темноте её волосы казались совсем чёрными, и я перебирал пряди одной рукой, а другой прижимал возлюбленную к себе. Вдруг мне показалось, что в кухне что-то причмокнуло. Послышался звук открывающегося холодильника, а затем что-то шлёпнулось на пол. Неужели смутная жидкость обрела способность к движению? А то и самосознание. Я представил, как нечто бесформенное едва определимого цвета ползёт в комнату, булькая и пульсируя. Если это то, что хотела вырастить Агата, ей это удалось.

Вылезать из тёплой постели не хотелось, но и ждать развязки было невыносимо. Я осторожно вытянул руку из-под шеи Агаты и выбрался из-под одеяла. Прохладный пол поддерживал чувство реальности. Я приоткрыл дверь, вышел в коридор и осторожно прикрыл спальню. То, что я увидел, трудно описать в человеческих категориях. Передо мной была она, смутная жидкость, разлитая по всему полу, но одновременно она как будто была всем вместе. Чем больше я вглядывался, тем больше деталей и подробностей мне открывалось. Деревни, города и даже целые миры были разлиты по полу. Картинки постоянно менялись, но это была только оболочка. Вместе с тем меня не покидало какое-то неопределённое чувство, как будто разлитая передо мной жидкость – живая.

– Получилось, – я вздрогнул и обернулся на голос Агаты.

– Получилось – что? – задал я самый глупый из всех вопросов, возможных в такой ситуации.

– Это Первоматерия, и у меня с первого раза получилось её воссоздать. Хотя там был такой сложный рецепт, что мне приходилось постоянно держать себя в руках. Но теперь всё будет иначе.

– Что будет иначе?

– Хорошо, что ты пришёл. Сегодня ты можешь уйти со мной, и мы всегда будем вместе. Ты будешь счастлив, это я тебе обещаю. А можешь остаться доживать свои скучные будни. Выбирай.

– Извини, милая, я не могу уйти с тобой. Но и тебе, пожалуй, не стоит туда соваться. Я хочу, чтобы ты была здесь, чтобы ждала меня каждый вечер. Я хочу приходить сюда и печь для тебя печенье.

– Я слишком долго ждала и больше не могу так. Если ты остаёшься, тогда прощай.

Она сделала шаг в смутную жидкость, и под её ногами появилась лестница. Агата пожала плечами и начала спускаться. Я попытался схватить её, удержать, но мои руки прошли сквозь воздух. Когда Агата скрылась за поворотом лестницы, смутная жидкость стала сворачиваться, пока не исчезла совсем.

СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ

ФОТОГРАФИЯ ВОЗНЕСЕНСКОГО СОБОРА В ЙОШКАР-ОЛЕ

Вот белая лестница,
Нижние ступени которой покрыли сколами
Звенящие золотые копытца скакунов, привезенных заморскими купцами,
Грузные шаги длинногривых тяжеловесов, сопровождающих богатырей на всех
их путях от Вещего камня,
Дребезжащие колеса нарядных ярмарочных телег, встречаемых песнями и
игрой на гусях.
Вижу я:
Кроткой лебедушкой выплывает из тени,
Накинутой на лестницу колоннами,
Царевна, опустившая очи цвета прозрачного неба.
Блестят в ее длинной косе красные ленты, как лучи знойного Солнца.
При каждом движении ее льются ноты из-под соприкасающихся на груди
колечек монисто,
Эти редкие отзвуки бубенчиков вторят голосам синичек, переговаривающихся
на зеленой крыше.
Царевна преодолевает последнюю ступеньку и выходит на свет,
Девичьи щеки алеют, как спелые, налитые рассветом яблочки.
Робко подает она золоченый ковш,
На Жар-Птицу, сложенными крыльями собирающую росу, похожий,
Храброму молодому витязю.
В родниковой свежей воде,
Наполняющей ковш до краев,
Отражаются лазурь небес,
Сверкающие златом купола,
Стройно тянущиеся к вышине неба зацветающие ветви.
Нет, не дал бравый витязь за густым дымом скрыть эти чистые облака, это небо
и вольных птиц в просторах его!
Не позволил захватчикам кресты с куполов сорвать!
Уберег от огня и пепла эти стройные березки!
Русь моя! Земля моя,
Где свет Солнца -
Чистая платина,
А дождь - жемчужины!
Русь моя! Плодородная земля сказителей!
Сохрани то, что имеешь -
Свою веру, свой язык и свои нравы!

Каменный берег.
Босые ноги сшибая в кровь,
Жена моряка поднимается на объятый решеткой рыбацких сетей валун.
Платье у нее – в полоску,
Передник у нее – из чешуйчатой серебряной кожи окуня.
Она всматривается в туманную даль.
Кого ожидаешь ты на пустом берегу, жена моряка?
Серые волны, что от водорослей зеленоватые, хищные челюсти, пасти
Вонзают во влажный седой песок.
Белые зубы, бешено-пенные, глотают осколки сосудов и мелкие камни.
Прорезая на границе берега и стихии тонкие линии, образуя в воде пузыри,
Поглощенные галька и стекла исчезают в толще соленых слез.
К каплям, выплаканным сиренами, прибавляется еще несколько.
Бледная спина с хребтом, выпирающим, как спинной плавник осетра,
Приживается к выбеленной башне маяка, примыкающей к валуну.
Платок спустился на плечи, и выбившиеся темные волосы раздувает ветер.
В них вплетены снасти и гнутые крюки,
Морскими угрями в них вьются голубые ленточки и шнурки.
Тьма локонов застилает лицо,
Не позволяет увидеть качающиеся и пропадающие в тумане треугольники парусов.
Кого ожидаешь ты на пустом берегу, жена моряка?
Насытившиеся волны бросают на песок обглоданные кости рыб и морских ежей, остатки чешуи.
Губы с синими от холода жилками нашептывают несколько слов.
От израненных босых и продрогших ног по валуну тянется, чтобы смешаться с водой, густая кровь.
Кого ожидаешь ты на опустевшем берегу, вдова моряка?

Цветущий сад. На темной листве – шток-розы кремовые,
Будто яичный желток, взбитый с прозрачным сахаром.
Он глядит на нее, и щеки его оранжево-розовые,
Как мякоть спелого влажного персика.
Тонкие плечи юноши прижаты к бурой древесной коре.
Меленькие шипы и выступы врезаются в золотую вышивку жилета,
Изображающую цветы, ветви и листья,
Проникают в широкие выбеленные рукава, чтобы уколоть плечи.
В руках у нее лук и стрела с оперением из белых-белых перышек Купидона.
Она готовится к выстрелу в желтый с рыжими разводами плод на его голове.

«О! Не цельтесь в него, бейте сразу в сердце, миледи!» - восклицает он,
Сияя от блаженного восторга, взволнованно дыша полной грудью и укалывая подбородок льняным шейным платком.
Залпом глотает он жизнь, каждый вздох и каждый миг, когда она с ним,
Только тогда, когда она с ним.
Он любит ее и кланяется ей при встрече,
Он готов бросить свой атласный шарф на дорогу,
Размытую весенним дождем,
Чтобы она не промочила ноги и не запятнала свои светлые сапожки.
Он любит ее и намерен все желания ее, большие и самые крошечные, исполнить,
А она только смеется, спрятавшись от него за кружевным зонтиком.
Мгновения, за которое она раскрывает купол,
Ему хватает для того, чтобы ахнуть, увидев, как движение воздуха взметает напудренные завитые локоны,
Но не для того, чтобы приметить оскал хищных зубок.

А вчера другой, под черным плащом которого скрылась она, уводил ее.
А вчера другой подавал ей руку из кареты, запряженной вороными конями с глазами жгучими-жгучими.
И фестоны ее шемизы касались его бедер.
И дождь стучал в ставни, а она дрожала, пугаясь,
Что это шаги тех, кто разоблачит ее, сбежавшую,
Что еще краснее от стыда станет ее разгоряченное лицо.
И серая пыль, и осколки лака античной мебели в его покоях путались в ее волосах.
И она дремала, положив голову ему на грудь.
А он крутил на пальце ленты корсажа, в которые впивался зубами, чтобы сорвать.
А он смотрел на нее своими страшными глазами, как молодой охотник в приступе азарта.

Но когда пропитанное воском и маслом едких духов письмо
Выпадет из передника ее служанки,
Прошуршит, спускаясь по складкам юбки,
И упадет на мраморный пол большого зала...
Ей придется бежать через цветочное поле,
Ноги ее будут попадать в арканы сплетенных корней и стебельков,
Не позволяя продвинуться дальше,
Сбивая дыхание и вызывая вертиго.
«Остановитесь! Сложите шпаги!» - навзрыд закричит она,
Когда поймет, что не успеет,
Когда поймет, что он умрет на закате.
Кто же?
Один из них.

Спотыкаясь, я бежала по неровным камням, когда-то, наверное, похожим на пятиугольники.

Из-под них пробивались к закатному Солнцу трава и мох, нарушавшие их связь с плодородной почвой.

Последние лучи окрашивали полупрозрачную молодую листву и нежные, трескающиеся от одного прикосновения, лепестки.

Все они светились розовым, алым и оранжевым.

Дыхание пионов и багряных кустов дицентры в воздухе было таким терпким, таким крепким, что слезы выступили на моих обожженных глазах.

Я споткнулась на каменной лестнице за фонтаном, ведущей к кованной арке, и упала на ступени, порвав подвенечное платье с кружевами цвета бутона хлопка.

Сверчки, в прыжках рассыпавшиеся искрами над былинками и верониками, плакали вместе со мной.

Что-то еще, помимо болезненного звона в голове, стрекотания сверчков и плача доходило до моего слуха.

Нельзя было разобрать, что это: негромкое журчание замершей в старом фонтане воды, пробужденной теплым ветерком, или щебетание птенцов.

Золотом горели бутоны нарциссов, опускавшиеся к моей голове.

Я сбежала из-под венца.

Когда я стояла рядом с ним,

Мне виделось, что весь этот сад померк.

«СЕРАФИМА ПРОСНУЛАСЬ»

Как же Сема не любил раннюю весну! Вроде бы каждый нормальный бельчонок должен любить весну. Ведь весна это же про солнышко и теплый ветерок, про почки – листочки, про пробивающуюся из-под земли травку и довольно чирикающих воробьев. Но нет! Это все про ту будущую весну, которая порог лета. А сейчас весна настоящая, а не будущая. Ранняя... Мокрая... Холодная... Сема категорически не любил такую.

По утрам на улице морозец. Солнышко светит. Воздух чистый, прозрачный. Птички поют. И свежо, и радостно на душе. И, кажется, вот-вот прогреет солнышко своими лучами все вокруг и наступит та самая, настоящая, весна.

Но ближе к обеду небо затянут серые ватные тучи, и пойдет мелкий холодный дождь. Подует колючий ветер. Брррр!

Сема уже несколько раз за этот месяц разгребал ворох сухих прошлогодних листьев, надеясь найти под ними маленькие зеленые росточки травинок. Но травка тоже не хотела вылезать из теплой кровати в дождь и холод.

Каждый день Сема забирался на пригорок на краю леса встречать грачей. А они все не летели и не летели. И настоящая весна все не приходила и не приходила.

Сегодня весна опять не пришла...

Сема понуро брел с пригорка в сторону домика Бори. Его некогда красивый пушистый рыжий хвостик сейчас безнадежно волочился за ним, собирая на себя дождевую воду с луж, прошлогодние сухие листочки и пожелтевшую хвою.

Единственным спасением ситуации был поход в гости к лучшему другу. Боря всегда рад Семе. У него дома тепло, сухо и пахнет сушеными грибами. А еще Боря заваривает самый вкусный чай из летних травок и ягод. Такой чай лучшее лекарство от всех невзгод.

Сема задумчиво потоптался на пороге, стряхнул с хвоста прилипший мусор и открыл дверь. Дом Бори сразу укутал Сему теплом и заботой, словно пушистым одеялом.

«Сема! Дорогой мой дружок пришел! Как я рад тебя видеть!» - сказал Боря, обнимая продрогшего и поникшего Сему.

«Проходи скорее в комнату! Я тут, знаешь, чего затеял?» - Боря заговорщицки прищурился в улыбке.

Сема не знал. Он только все это время пытался понять, чем же так вкусно пахнет в домике Бори.

«Супчик грибной с морковочкой и лучком!» - сказал Боря, открывая крышку пузатой кастрюли с изображением красных маков. Из кастрюли повалил горячий пар и моментально заполнил изумительным ароматом свежесваренного грибного супа каждый уголок Бориного дома.

Больше всего на свете Сема любил Борин грибной суп с морковочкой и лучком! Решительно больше никто так не умел варить этот суп.

Сема так обрадовался, что даже заплакал. Ему было очень грустно от того, что весна опять не пришла, грачи не прилетели и травка не проросла. А тут Боря, с его самым вкусным на свете супом, взял и обернул его в тепло и заботу.

Сема сидел на маленькой табуреточке и, разглядывая кусочки рыжей, как он сам, морковки, ел любимый суп. Рядом сидел Боря и что-то говорил, говорил...

Но вдруг, сквозь монотонное журчанье Бориных слов, Сема услышал звук, который взволновал его. Сема еще не понимал, чем его так смутил этот звук, но чувствовал, что это что-то очень важное и нужное ему.

«Боря! Ты слышишь?» - торопливо спросил Сема.

«Что? Не слышу ничего...» - сказал удивленно Боря. «А что случилось?»

Сема стал бегать по комнате и заглядывать во все углы. Но никак не мог найти, откуда же слышится этот таинственный звук. И вот, пробегая третий раз мимо окна, Сема вдруг остановился как вкопанный с широко открытыми глазами.

На оконном переплете сидела, разглаживая помятые за зиму прозрачные крылышки, муха Серафима. Серафима проснулась! Так вот что за звук так разволновал Сему! Как же он мог забыть, что весна никогда не приходит раньше того времени, когда просыпается Серафима!

«Серафима, здравствуй! Как же замечательно, что ты проснулась! А Боря, как раз, суп сварил грибной... Как же хорошо, друзья! Значит теперь, точно, наступит самая настоящая весна! И грачи прилетят, и листочки распустятся, и травка, и бабочки, и солнышко...» – взволнованно лопотал Сема, не зная еще, что весна уже идет по лесным тропинкам к домикам Семы, Бори и других лесных жителей. Та самая, настоящая...

ЗАГОНЩИК

Фёдор с малых лет жил в деревне, где даже машин ни у кого нет. Только кони. На всё село один трактор из транспорта, на котором куда-то можно уехать. От того и воздух всегда свеж и чист, и живут местные жители дольше, чем городские. На днях Фёдору уже шестьдесят семь стукнет, а на вид ему лет сорок пять от силы. Про интернет Фёдор сроду не слышал, а о социальных сетях тем более. Дело в том, что в деревне даже мобильной связи не было. И не верится, что такое может быть в двадцать первом веке, но Россия – страна возможностей во всех смыслах.

Фёдор стал загонщиком, когда ему исполнилось десять лет. Тогда отец впервые взял его с собой на охоту. Натаскал в стрельбе и показал, как заряжается ружьё; объяснил, как отличить следы козы от следов зайца; научил ориентироваться в лесу без компаса, по мху и солнцу. Маленькому Феде тогда очень понравилось проводить время с отцом на природе, и он просился ещё и ещё, лишь бы больше узнать о тонкостях русской охоты.

К отцу Фёдора частенько приезжали городские жители, чтобы он помог с загоном или показал места, где может обитать дичь. Естественно, всё это делалось за отдельную плату, да плюс отца там ещё и угощали, водки наливали. Так он и спился, в конце концов, на своей охоте. А потом умер от остановки сердца, загоняя коз для очередных городских охотников. Упал с коня и не поднялся.

Фёдора он, тем не менее, многому успел научить, потому что брал с собой на загоны. Городские мужики теперь стали обращаться к нему, а на привалах частенько вспоминали Гавриила Николаевича, отца Фёдора, добрым словом.

Наступила осень, а значит, сезон охоты в самом разгаре. Всё чаще и чаще приезжали к Фёдору охотники, звали его собой, он брал ружьё, патронташ и садился на коня, заранее обговорив с мужиками, куда и как надо ехать.

Наверное, вам ясно, в чём заключается роль загонщика, но на всякий случай объясню. Всё очень просто. Загонщик скачет на сопку, стараясь сильно не шуметь. Охотники занимают позиции внизу этого склона на определённом расстоянии друг от друга. Это называется – рассаживаться по номерам, образуя тем самым засаду. Козы очень пугливы. Услышав шум, они сразу бегут в обратную сторону от источников звука. Мчась из леса, их встречает картечь, которая при хорошем раскладе валит животное замертво. А бежит коза как раз от загонщика, который идёт на коне вдоль сопки и каждые пять секунд громко кричит: «Оу!» или любой другой звук, который ему в голову взбредёт. Там уже, как повезёт: если коза выбежит на охотника, то главное – попасть.

В один из октябрьских дней приехали к Фёдору уже знакомые охотники. Среди них был молодой и, судя по всему, не опытный парнишка. Фёдор сразу обратил внимание, как тот неумело ружьё держал, да и молчал постоянно, стесняясь, видимо, что-то спросить.

– Ну, мужики, – говорил Фёдор охотникам, когда они ещё только подъехали к его дому. – Видите ту сопку? Туда я и поскачу. Вы не торопитесь только. Ишо время есть. Можете пока выпить, согреться, а я, как туды доеду, вам маякну зеркалацем. По номерам вас мой сын рассадит, места в уазике есть?

– Есть, есть, – отвечали мужики.

– Ну, это хорошо. А тебя как звать парниш? – спросил Фёдор у новенького.

– Сашка я. Впервые на охоте. С папой вон приехал.

– Папка плохому не научит, хех, – улыбался Фёдор. – Тебя на первом номере посадим. На тебя может коза и не побежать, но будь на чеку. Стрелял уже?

– Пока только по бутылкам, – смущённо, отвечал Сашка.

– Ну, коза – не бутылка и совсем не прозрачная, а значит, глядишь, и не промахнёшься.

Фёдор по-дружески похлопал по плечу Сашку и, запрыгнув на коня, поскакал к сопке.

Мужики выпили по рюмке. Сашка не пил. Он всё фотографировал на телефон: степи, сопки, лес, небо, себя и мужиков, бурно обсуждающих очередную историю. Живые фотографии, по мнению Сашки, самые лучшие.

Когда все расселись по номерам, стали слушать загонщика. Его всегда слышно издали. Сашка стряхнул слой снега с камня и уселся в ожидании добычи, стараясь не шуметь. Вообще, охота и рыбалка – дело тихое, зато душой отдыхаешь. А Сашке больше нравились пейзажи. Он достал телефон и принялся «чикать» всё вокруг и про себя не забывал. Загонщик тем временем аукал где-то вдалеке, но паренёк настолько увлёкся фотографиями, что и забыл зачем он здесь.

По закону подлости, коза вышла в Сашкиной зоне. Он её не увидел, потому что был занят другим делом. Зато дичь заметил другой охотник, сидевший на следующем номере. Прогремел выстрел. Сашка отвлёкся от телефона, убрал его в сторону и схватил ружьё. Всё он проворонил. Коза пробежала немного, а потом упала.

– Ты чего ж не стреляешь, Саня? – послышался голос сзади паренька. – Коза чуть к тебе уже не подошла впритык!

Мужчина увидел телефон, лежавший на камне, а на экране кадр – Сашка с улыбкой до ушей.

– Ааа, так вот в чём дело? Ты и забыл про козу-то.

– Да я не увидел её, пап, – оправдывался парень.

– Всё понятно, Саня. Блин, как же из вас дурь эту инстаграмную выбить, а? Думал, что хоть на охоте, где нет интернета, забудешь про этот телефон. Мужики, Сашка, в инстаграмах не сидят.

Мужчина отмахнулся и пошёл к добыче. Сашка побежал за ним, опустив голову. Перед отцом стыдно было.

Спустя какое-то время, Фёдор прискакал на лошади и сразу спросил:

– Ну, чё? Кто стрелял? – спросил Фёдор. – Я видел, вон туда коза пошла, в сторону Сашки. Ты застрелил что ль? Хех.

Фёдор стоял и с улыбкой ожидал ответа от парня. Казалось, что он уже хочет его поздравить с первой добычей, но молчал. Сашка посмотрел на отца, а тот сидел с суровым видом и разделял дичь.

– Да я не увидел её, – пробурчал парень. – Занят был.

– Ссать ходил что ль? – удивлённо и со смехом спросил Фёдор.

– Нет, фотографировался, – по Сашке было видно, как ему стыдно.

– А ты куды? Собираешь альбом что ль?

– Нет, в инстаграм.

– Что за пинктограм такой? – по лицу Фёдора читалось непонимание. Казалось, что он вообще с другой планеты.

– Да нет. Это приложение, туда фотки заливаешь и лайки ставят, комментарии.

– Бабы там сидят! – вставил отец, а все мужики рядом сразу загоготали.

– Заливаешь? Это как проявляешь плёнку что ль? А что за лайки? – не понимал Фёдор. – Собаки что ль? Так ты мне их лучше тогда дай.

Мужики ещё громче засмеялись после этого. Улыбнулся и Сашка. Не ожидал он, что есть ещё люди, которые не знают ничего про интернет и социальные сети. Он достал телефон, показал приложение и фотографии на телефоне. Так как сети не было, прогрузить свою страницу не получалось. Сашка объяснил Фёдору, что такое лайки и как пользоваться инстаграмом. Загонщик так ничего и не понял, но улыбался вместе со всеми. Потом они устроили привальную, выпили, поели и снова в загон. Ещё двух коз застрелили. Все довольны остались, даже Сашка, который телефон свой больше не доставал, а вот пострелять умудрился, но не попал.

Когда Фёдор пришёл домой, сказал жене:

– Любк, сегодня с Ванькой узнали, что лайки – это не только собаки и за ними тоже охоту ведут. Молодёжь всяко изворачивается, лишь бы в телефонах сидеть. Глядишь, скоро и охотников не останется.

Фёдор закурил и посмотрел в окно. Луна взошла, освещая всю деревню. Завтра ещё охотники приедут. Со своей лайкой. С ней точно добычу не пропустят.

НОМИНАЦИЯ
«Проза»

2 возрастная категория

СТЕПАНЫЧ

Иван Степанович Любимов, учитель русского языка и литературы, приехал в городок А. по распределению (нынешние студенты уже не знают, что это такое). Он, деревенский парень, всегда мечтал жить у моря, дышать морским воздухом, созерцать необъятные водные просторы, восхищаться мощью вздыбившихся волн. Его мечта осуществилась. В центре городка А. построили новую общеобразовательную школу, куда требовались специалисты, которых обеспечивали социальным жильём, небольшими квартирами общей площадью двенадцать квадратных метров. Молодой учитель был на седьмом небе от счастья: ему хотелось жить, учить, любить весь мир.

Первый учебный год пролетел незаметно: уроки, подготовка к ним, конспекты, тетради, желание «сеять разумное, доброе, вечное» заставляло всё время быть в движении. Быстро передвигаясь по классу во время урока, «наш Иванушка», как за глаза звали его ученики, успевал и работы проверять, и дисциплину контролировать. Когда он, красиво и модно одетый, начинал увлечённо рассказывать, дети слушали его, открыв рот. Ивану Степановичу многое хотелось сделать: передать свои знания подрастающему поколению, организовать внеклассную работу, для книги найти время и с девушкой по набережной погулять. Всем нравился молодой учитель: и администрации за добровольное участие в профессиональных конкурсах, и родителям за доброе отношение к их чадам, и ученикам, которым он прощал многие шалости. Когда кто-то из мам просил Любимова позаниматься с её ребёнком дополнительно, за деньги, Иван Степанович смущался и отказывался. Ему казалось: раз просят – значит, недорабатывает, надо обратить внимание на этого школьника.

Встреча с любимой женщиной Леночкой внесла некую корректировку в жизнь Любимова. Елена Сергеевна тоже работала в общеобразовательной школе учителем химии. Она одна воспитывала дочку и жила в общежитии. Познакомившись на курсах повышения квалификации, два учителя выяснили, что у них много совместных тем для общения, и начали встречаться. Цветы, конфеты, подарки требовали от молодого человека финансовых затрат. Денег стало не хватать, и Иван Степанович решил в следующем учебном году взять две ставки.

Отдохнувший после летнего отпуска молодой учитель, жизнерадостный и полный сил, приступил к работе в две смены. Он так же подолгу готовился к урокам, писал конспекты, много читал. «По местам, Иван Степанович идёт!» – увидев идущего с журналом в кабинет учителя, уважительно кричали ученики. Ему нравилось учить, он получал удовлетворение от своей работы, когда ставил в тетрадях пятёрки, когда удавался урок, но неожиданно стал чувствовать накатывавшуюся временами усталость. Тогда учитель решил в конце недели немножко расслабиться. Бутылочка хорошего вина под классическую музыку для поднятия настроения, разговоры и не только с любимой женщиной, утренние прогулки к морю – всего этого хватало для

восстановления, а дальше – тетради, тетради, конспекты, уроки день за днём, месяц за месяцем. Время шло, пришла пора задуматься и о личной жизни. Любовь любовью, а жилищный вопрос заводил в тупик. Жить втроём с чужим ребёнком в однокомнатной квартире казалось Любимову полным абсурдом, и он стал задумываться о покупке собственного жилья. «Работаю-работаю, а денег так и не накопил», – ужасался данности своего существования молодой мужчина. «Нужно заниматься репетиторством», – решили два учителя.

Прошло четыре года. Работа в две смены дала о себе знать: тетради стали проверяться реже, конспекты заменили методические пособия, внеклассная работа отодвинулась на третий план, ибо на второе место переместилось репетиторство. Об Иване Степановиче говорили как о хорошем учителе – желающих обучаться русскому языку за дополнительную плату было много. Любимов брал всех, но занимался по одному с каждым. Появились деньги, они с Леночкой даже стали присматривать в свободное от работы время квартиру. Смешно сказать, свободное время! По-прежнему любимым днём недели для Ивана Степановича оставалась пятница: мужчина запасался коньячком, хорошей закуской, бардовской песней. Ему хотелось поговорить с Леночкой о сущности мироздания, о вечных вопросах бытия, «о доблестях, о подвигах, о славе...», однако разговоры почему-то переходили на школьную тематику, а оттуда скатывались к жилищному вопросу. Одного вечера уже было недостаточно для душевного равновесия, застолье плавно переходило в выходные и заканчивалось глубоким воскресным сном. Пробуждение не обещало ничего хорошего: снова тяжёлый, благородный, но низкооплачиваемый труд. Не хотелось, не видеть, не слышать никого, даже любимую. «Опять начнёт жаловаться на дочку, на учеников, а у меня своих проблем по горло, – раздражался Иван Степанович, вспоминая в этот момент знаменитые блоковские строчки: «Покой нам только снится...». Единственным занятием, уводившим от мрачных мыслей, было чтение произведений современных авторов. Хорошая книга заставляла напрячь силу воли, взять себя в руки и, засучив рукава, работать, работать, работать.

Прошло много лет. Любимов пополнел, приобрёл красноватый цвет лица. Когда он, хмурый и недовольный на судьбу, идёт по школьному коридору, ученики шепчут вслед: «Степаныч идёт!» Уроки Иван Степанович проводит без особого энтузиазма. Сидя на стуле за учительским столом, вызывает к себе школьников для проверки заданного, периодически покрикивает на учеников и даже позволяет себе изредка называть их «стадом баранов», хотя иногда, окидывая взглядом непослушных ребят, Степаныч так поведаёт о жизни писателя, так интересно расскажет о литературном герое, что даже самый ленивый отложит телефон в сторону и задумается. Но это случается всё реже и реже. Так же редко проверяются рабочие тетради, только контрольные удосуживаются внимания учителя, а от подготовки к урокам осталось лишь выяснение для себя тем по русскому языку и названия изучаемых произведений.

Купить собственное жильё на учительскую зарплату не получилось, так и проживает Любимов в своей социальной квартире, в которой сделал ремонт,

купил хорошую мебель, поставил импортную сантехнику. Самая дорогая вещь в его доме – это сделанная на заказ книга-бар, где дожидаются своего часа купленные и подаренные дорогие алкогольные напитки.

После школы Степаныч спешит домой, где по-прежнему занимается репетиторством, только теперь не по одному ученику, а по два и даже по три сразу. Лишь на индивидуальных занятиях загораются его глаза и возникает желание научить, рассказать, подискутировать. Вечером, проведив последних учеников, выпив несколько стаканов виски и плотно закусив, Иван Степанович достаёт из карманов розоватые или зелёные бумажки, добытые практикой, и пересчитывает их. Когда денег собирается достаточное количество, он относит их в банк и кладёт под проценты.

Любимов одинок. Леночка, так и не дождавшись предложения руки и сердца, уехала в другой город к родителям. Вспоминая, какие усилия они предпринимали, чтобы приобрести собственное жильё, Степаныч качает головой: «Сколько хлопот, однако! Хорошо, что я не женился! На такую зарплату самому бы прожить, а тут семья, ребёнок, воспитанием которого нужно заниматься. А мы чужих детей учим – на собственных же времени не хватает». Всё чаще опытный учитель, всю жизнь проработавший в школе, рассуждает сам с собой. Кто он в современном обществе? «Маленький человек», воспетый классиками, обслуживающий персонал государственной ячейки под названием «семья» или человек, от которого зависит будущее нации, возможно, будущее всей великой страны.

А разве бедный, частями несчастный учитель может «сеять разумное, доброе, вечное»?

Елена РЯБЧИКОВА

ИСПОВЕДЬ САПОЖЕК

сказка
(часть1)

Лёгкий сквозняк пробрался в щель под дверью, не спеша прогулялся по полу, влез на стол и задул свечу. В доме стало тихо. Все уснули.

Уснули и сапоги, стоящие в прихожей на коврике. У них была тяжёлая неделя, и они устали.

В понедельник с утра был лёгкий морозец. Светило солнце. Под ногами звонко скрипел снег, и сапоги радостно побежали на работу. Они весело улыбались коту, вышедшему на прогулку. Сапогам нравились такие дни.

На следующий день погода испортилась. Дул холодный ветер, небо хмурилось. Падая прилипчивый снег. Сапоги не любили, когда шел снег. Он был мокрый, неприятный и все время старался их задеть, как бы ненароком.

А потом был кошмар. Пошёл дождь. Он был промозглый, мочил сапоги насквозь. И было страшно простудиться. На дороге появились лужи. Надо было их перепрыгивать. А сапоги - серьёзная обувь, а не детский сад, чтоб скакать. Но чего не сделаешь ради тёплой и сухой жизни.

Что же было после дождя? Кто знает наши зимы, тот ответит правильно: гололёд! Вот тут сапогам пришлось проявить чудеса акробатики и выделять сложнейшие пируэты, чтоб без последствий добраться до работы.

Но больше всего сапоги не любили переходить через большую и шумную дорогу, чтобы сходить в магазин за косметикой. Дорога была посыпана какими-то веществами, которые приклеивались к сапогам намертво, оставляя белые полосы. Спасала их только косметика.

Да, да, сапоги были большими модниками. Они ухаживали за собой с особой тщательностью: пользовались и кремами, и пропиткой, и краской. И очень любили комплименты!

Свеча погасла. Сапоги уснули. Лишь бы сквозняк ничего не испортил...

ИСПОВЕДЬ САПОЖЕК

сказка
(часть2)

Лёгкий сквозняк пробрался в щель под дверью, не спеша прогулялся по полу, влез на стол и задул свечу. В доме стало тихо. Все уснули.

Только сапоги не могли успокоиться, тяжелый день выпал на их долю.

Утром, как всегда, началась пробежка до работы. На улице мороз, на дороге скользко. По ровной дороге сапоги кое-как еще могли передвигаться, но когда дорога пошла под горку, было два варианта пути: либо ты скользишь красиво, как лыжник, либо семенишь бочком маленькими шажочками, чтобы не свалиться. Выбираешь второй вариант, потому что скользить не получается.

До работы обычно добегаешь за полчаса. Но в такую погоду время, потраченное на дорогу, увеличивается вдвое.

...Ярко светит солнце, даже не верится, что закончился рабочий день. Сапоги с радостью отправляются домой. Впереди огромная лужа: то ли обойти ее, то ли пройти прямо. Пытаешься обойти, не получается, скользко, шлепаешь по воде.

Впереди на дороге много снега. Наступаешь и проваливаешься. Хорошо, что неглубоко, только до асфальта.

Осталось подняться в гору, и ты дома. Оказывается, весь снег ушел с ручейками, и на дороге грязь. Другого пути нет. Приходится топтать по глине. Ноги тяжелеют с каждым шагом. Быстрее, быстрее. Где же спасительная лужа? Надо ополоснуться, очиститься.

Все, дошли. Ноги не промокли. И это самое главное!

Свеча погасла. Сапоги задремали. Снилось им теплое лето и яркие цветы вдоль пыльной дороги.

Интересно, сколько будет длиться этот экстрим?

СИЛА ЖИЗНИ

быль

На пустыре за селом проклюнулся маленький росток. Он увидел яркий свет и потянулся к нему. Ветки-крючки тянули нежные росточки навстречу теплому солнцу и вкусной росе. Они ловили редкий лучик и сочную капельку. Каждый листочек хотел жить.

Через год здесь встречали лето уже три хрупких побега. Через десять лет шумела небольшая зеленая рощица. Самые высокие деревья успели вымахать с человеческий рост.

Тонконогие осинки весело и звонко переговаривались с озорным ветерком, прилетевшим из соседнего лога. Солидные клены твердо стояли на своих ногах, вытянув руки-ветки с огромными листьями. Они умели создавать тень и прохладу в жаркие дни. Нежные березки неторопливо покачивали кудрявой шевелюрой, пытаясь понять: идут им сережки или нет?

За деревьями тянулись колючие кусты шиповника. Но колючек никто не видел. Кусты были увешаны гроздьями цветов. От них исходил тонкий, душистый аромат. В цветах копошились жучки. Они были мохнатые, липкие, похожие на маленьких медвежат, обваленных в пыльце, как в муке.

Появлялись на полянке бабочки, вытканые из разных цветов радуги. Прилетали шмели и пчелы, деловито гудели и улетали дальше. Выглянула земляничка, повернулась красным боком, и, засмуцавшись отчего-то, спряталась под листочком.

Первые грибочки смотрели на мир разными шапочками: красными и бурыми. А по шапочкам ползали степенные улитки и оставляли за собой скользкий след. Сновали по делам муравьи-труженики.

Пустырь преобразился. Природа смогла гармонично и лучше всякого ландшафтного дизайнера распорядиться заброшенным местом.

АВСТРАЛИЙСКИЙ КРАСАВЕЦ (ЭВКАЛИПТ)

рассказ

При въезде в Пицунду этот красавец сразу выделялся из толпы и долго провожал меня взглядом.

Потом мы встретились с ним по пути к морю. Он стоял и слушал, как торговки на все лады расхваливают свой товар.

Но более тесное знакомство с ним произошло на рыбалке. Муж ловил рыбку, а я слонялась по окрестности с телефоном. И, наконец, обратила внимание на стройного, элегантного местного жителя.

Я попросила разрешения его сфотографировать, и он изящно позировал мне, показывая все свои достоинства. А когда я прижалась к его могучей спине, почувствовала, как спокойно и комфортно рядом с ним, как надёжно защищает он от всех ветров.

Вы уже догадались, кто этот красавец?

СВИДАНИЕ

рассказ

Сегодня выходной. Василисе некуда спешить. Она чувствует ладошкой гладкую поверхность подушки и зарывается в нее лицом. Как же хорошо валяться в кровати и всем телом ощущать мягкость и нежность перины.

Солнечный лучик добрался до девушки и стал заглядывать ей в лицо. Каждой клеточкой Василиса почувствовала теплые прикосновения солнца: пора вставать!

Сегодня предстоит встреча с ним, таким таинственным и загадочным, нежным и чарующим! Тем, кто дарит радость и бодрость в воскресное утро!

Красавица поспешила в ванную. Прохладная струя воды ласково коснулась ладоней и брызнула на лицо. Капельки тихонько стекали по бархатной коже и как будто говорили: «С добрым утром, милая! Просыпайся!»

Запел на кухне чайник. На маленьком кухонном столе лежит любимый торт Хамелеон.

Настал час свидания. Время признания в любви, возможность быть с любимым наедине. Только она и он. Нежная волшебница и жгучий красавец.

ПРАЗДНИК

рассказ

Василиса к любимому празднику начала готовиться загодя.

В один из выходных решила купить себе обновку. Долго гуляла по магазину, то есть торговому центру. Обошла все бутики, перемеряла много нарядов, нашагала 15 тысяч шагов, прежде чем увидела изумительное платье. «Беру!» – решила она, хотя стоило оно ползарплаты!

Покупка заняла свое место в шкафу, но Василисе не давала покоя мысль, что этому платью теперь надо соответствовать.

И понеслось...

Позвонила знакомой, записалась к ней на маникюр. Ногти - чудо! Переливались на солнце, словно перламутр.

В интернете нашла мастера, который «делал» брови. И как в песне поется, брови стали «полумесяцем», просто загляденье!

К родственнице пошла на «ресницы». Длинные, густые ресницы делали взгляд томным и задумчивым.

Незадолго до праздника сходила в парикмахерскую: подстригла и покрасила свой куцый хвостик и удивилась, увидев в зеркале незнакомку: ее прекрасные волосы волнистым водопадом спадали на плечи.

Наступил долгожданный праздник. Долго Василиса колдовала перед зеркалом, наводила марафет и, наконец, отправилась на девичник.

Собрались подружки все как на подбор – ногти, брови, ресницы – ну, просто красавицы!

Валентина КАШЛЯЕВА

В ОЧЕРЕДЬ!

Как-то повелось, что в семье Иннокентия все звали дедушкой ещё даже до рождения внуков – Дима был у него поздним ребёнком.

Всю жизнь простояв в очереди на жильё, дедушка так и не получил ничего. Но времена изменились, очередников уже не было – зато была возможность купить что-то приличное, хоть и в ипотеку. И Дима со Светой забрали к себе дедушку сразу, как переехали в большую квартиру.

Дедушка не обременял своим присутствием. Гулять почти не выходил. Большой частью сидел или лежал. Читал, разгадывал сканворды. Первое время играл с мальчишками. Но время шло, и он всё более и более странно себя вёл.

Поначалу не верили, что дедушка теряет память – ну подумаешь, сына не узнал сослепу... или внуков по именам перепутал... А потом поняли, что это не сослепу, что дедушка уже не всё узнаёт и не всё осознаёт.

Стали следить, чтобы кто-то из семьи был дома постоянно – присматривать за стариком. Он, в общем-то, был тихим – не шумел, внимания не требовал. За ним и надо-то было – только следить, чтобы газ не оставил да из квартиры не вышел. Когда никто из семьи не мог остаться дома, звали сиделку.

Она-то первая и заметила его странную особенность: если дедушка шёл или стоял, то никому не позволял себя обгонять. Взмахивал клюкой с риском для своего равновесия, преграждал ему путь обгоняющему и переходящим в визг фальцетом кричал: «В очередь!»

Когда сиделка рассказала об этом семье, все похихикали. И забыли, как ещё одну причуду.

Но затем инцидент повторился: Света попыталась обогнать дедушку, чтобы включить ему свет, а он так замахал клюкой, что чуть не убил невестку. Не нарочно, конечно. Но Света испугалась – и просвистевшей в сантиметре от лица клюки, и пронзительного «В очередь!», внезапного и резкого, как крик раненой птицы. Развернулась, ушла, разревелась даже. Дед сам доковылял до кухни, сел в темноте на табуретку – и так просидел до ночи. Дима включил ему свет, попытался поговорить с отцом, сказать, чтоб осторожней был, – дедушка хмурил лоб и не мог взять в толк, о чём это. Уже не помнил.

Только давнее прошлое оживало в его мозгу реальными картинками: его иногда будто уносило персональной машиной времени, и он снова был в поликлинике, в ЖЭКе, в каких-то инстанциях. Торчал в вечных очередях, от которых зависела жизнь семьи. Должен был отстоять, не пропустить, получить нужное, соблюсти справедливость: никому нельзя было вперед него пробиться. Никому нельзя было спуску дать – ишь, норовят!

Именно поэтому рождалось его «В очередь!!!» И кричал он, и взмахивал палкой, руками, дрожа всем телом. Его уже и не пытались обгонять. Домашние терпеливо ждали, пока он пройдет отрезок коридора до кухни или до ванной и

обратно. Выходили из своих комнат, только когда дедушка где-нибудь сидел или был у себя в комнате.

...Как-то субботним мартовским утром на городской позвонила Зинаида. Дедушка к телефону никогда не подходил, хотя телефонный аппарат с диском и трубкой на пружинке – этот рудимент старого образа жизни – стоял в его комнате. То ли не слышал, то ли не хотел, то ли не понимал.

Диме пришлось вставать и идти из другой комнаты, ворча по дороге: опять не дали выспаться. А тётка Зинаида была на ногах с полшестого и отложила звонок до 8 утра только из соображений приличия.

Ничего не случилось – это Дима узнал в первую очередь. Несмотря на плохие прогнозы врачей после перенесённого обострения серьёзной болезни, тётя Зина жила, причём довольно активно. Только отмечалась регулярно у докторов. Её проверяли, хвалили, но не обнадёживали.

И вот подумала Зинаида, что время идёт... Что осталось ей немного. Что брат Иннокентий, небось, тоже не молодеет... А они и так давно в ссоре, не виделись много лет – нехорошо это. Нужно бы повидаться им хотя бы перед её смертью.

Тётя Зинаида была Диме родной тёткой по отцу. Когда-то давно они виделись часто, он даже ездил в гости к ней в Пермь, но в последние годы общение свелось к поздравлениям с праздниками. Дима звонил ей на городской (мобильный она заводит отказывалась). Бывало, что и забывал – спохватывался, когда в почтовом ящике среди вороха рекламы обнаруживал бумажную открытку, подписанную аккуратным старческим почерком, – тётя Зинаида исправно поздравляла всех родных по старинке, почтой.

Дима попытался было увести разговор от темы смерти, но Зинаида перебила его с несвойственной ей решительностью:

«Бессмертных нет, Митенька. А я хочу успеть с братом повидаться и помириться. Помогу вам с ним заодно. Знаю, что с ним нелегко стало. Пока могу. А то чувствую, уход мой не за горами, скоро моя очередь...»

«Света будет не в восторге», – подумал Дима, когда положил трубку.

Но Света отнеслась, на удивление, спокойно и с пониманием. Дедушка жил у них в отдельной комнате, сам отказывался спать на кровати, предпочитая диван. Кровать в его комнате была свободна – Зинаиду можно было разместить так, что ни мальчишкам, ни Диме со Светой не пришлось бы особо тесниться.

Через неделю Дима встретил Зинаиду с ночного поезда из Перми. Она его поразила: он помнил её ещё довольно молодой статной женщиной. А тут она будто осела, будто из неё что-то вынули, и держалось её тело теперь на какой-то складной хрупкой конструкции... И в общении она поменялась – вообще вся уже будто была из другого теста и с другой начинкой. В ней, конечно, угадывались прежние черты, был тот же голос, даже словечки и интонации узнаваемые. Но всё это было – как пародия на ту прошлую Зинаиду.

Он украдкой в машине поглядывал на сидящую рядом старушку. Думал, что правильно всё-таки сделал, что пригласил тётку: кто знает, когда ещё повидаются брат с сестрой – оба уже так сильно сдали. А ведь и до этого не виделись и не общались Иннокентий и Зинаида уже много лет. Дедушка никогда не говорил, почему. Даже когда ещё был в памяти, не затрагивал эту тему. У тёти Зины же спрашивать как-то неудобно было...

Зинаида вошла в квартиру очень осторожно. Будто опасалась напугать кого-то или сама испугаться. Дима представил Свету, сыновей. В глазах Зинаиды блеснула слеза – она внимательно вглядывалась в лица мальчиков, тихонько сказала «Похожи...» Но не договорила.

Встреча же с дедушкой прошла... обыденно. Никаких разборок, упрёков, выяснений. Когда сестра вошла в комнату, он оторвался от окна, деловито поздоровался и снова уставился на дом напротив. Непонятно даже было, узнал ли, понял ли, кто перед ним.

Зинаиду позвали обедать. Объяснили, что Иннокентий не обедает со всеми – не любит. За обедом рассказали ей про его состояние, про то, что он уже не помнит почти ничего, про сиделку приходящую. И про то, что обгонять его нельзя: можно пострадать в прямом смысле слова. Его «в очередь» только звучало комично, а на деле могло обернуться серьёзной травмой.

«В очередь... – задумчиво повторила Зинаида. – Это он так со мной всегда шутил. А тут вон как повернулось...» Видно было, что ей грустно от того, что нашла старшего брата таким. Ехала помириться, пообщаться. Надеялась хоть на проблески сознания. Но пока с ним даже о простых вещах поговорить не получалось.

«Ну ничего, ничего, – она успокаивала то ли семью Димы, то ли саму себя. – Я хоть разгрузу вас с ним, помогу чем смогу». И она действительно помогала. Теперь им можно было уйти из дома всей семьей одновременно, не приглашая сиделку: Зинаида присматривала за братом.

Один раз, вернувшись семьей из гостей, обнаружили Зинаиду почти не в себе: как она ни старалась скрыть, было видно, что недавно плакала, а руки дрожали. Говорить ничего не хотела, но потом «раскололась»: забыла про особенность брата, и, когда тот к кухне пошёл, хотела проскользнуть и помочь ему, свет включить, а он и выдал свое коронное: «В очередь!» – и палкой чуть не убил сестру.

Ей накапали валерьянки, успокоили...

Больше она не пыталась обгонять брата.

«В одной только – *той* – очереди обгоню его...» – стала повторять она. И как-то так отстраненно улыбалась, что всем было понятно, что она имеет в виду. Мысль эта так давно вошла в её жизнь, что говорила она о смерти спокойно, даже с улыбкой.

Поначалу все неловко спорили с ней: «Тетя Зина, о чём вы! Вы ещё в полном расцвете сил!» – «Ну вот увидите...» – бормотала в ответ Зинаида.

Вечерами она часто даже не включала верхний свет в комнате. Дедушка сидел у окна и смотрел за него, ему было достаточно картинок заоконья. А Зинаида днём читала, но вечером всё чаще стала тоже садиться рядышком на диване, смотрела то за окно, то на брата. Молчали оба. Иногда она начинала что-то тихонько говорить, но он то ли не слышал, то ли не понимал, то ли не считал нужным реагировать. Её фразы всё чаще начинались со слов «вот когда уйду я» – всегда как-то просто, без надрыва, будто констатация факта. Будто делилась она тем, что знала, и не более. Но Иннокентий обычно не отвечал.

Зинаида же говорила с ним, даже не ожидая ответа. И всё чаще проскальзывало у неё: «Вот похороните меня...»

Лишь один раз дедушка ей ответил. Так резко и внезапно – она почти испугалась.

Сидели, как обычно, в темноте и тишине. И только Зинаида произнесла своё «Вот похоронят меня...», как Иннокентий повернулся, строго посмотрел на неё, будто понял, о чём она говорила, и тихо, но веско произнес: «Зинка!» Она встрепелась, подалась к нему, чтобы расслышать, не пропустить ни словечка. А Иннокентий посмотрел пристально ей в глаза, помедлил немного и добавил своим обычным голосом, но очень тихо: «В очередь!» Строго сказал. Не махал руками, не ругался, не нервничал. Зинаида надеялась, что, может, он и дальше ещё скажет что-нибудь. Но он отвернулся к окну и снова замолчал.

У брата и сестры разница-то была небольшая: Зину мама родила ровно через год и два месяца после Кеши. Но всю свою жизнь (пока не поссорились они с дюжину лет назад) Зина называла его взрослым старшим братом, а он её – маленькой сестрёнкой.

Когда в молодости они почти одновременно обзавелись парами и рассказали друг другу о планах на свадьбу, Кеша очень серьезно сказал, что ему нужно первому жениться. «Ты младшенькая, Зинок, давай-ка в очередь!» Посмеялись они тогда. Но на самом деле по жизни во всём так всегда и получалось: Иннокентий как старший и «взрослый» не пускал её куда-то первую. В любое неизведанное всегда шёл сначала он – в самые тёмные «норы», в самые сложные ситуации. Сначала он разведывал путь, а потом уже и очередь младшей сестрёнки наступала. А она и не возражала, не стремилась опередить его, только с благодарностью слушалась.

Со свадьбой тоже спорить не стала. Хотя и забавное было в этом что-то: будто сначала старший брат должен опробовать, какова она, семейная жизнь, а уж потом только – очередь младшей сестры.

Но посмеяться посмеялись, а поженились таки по очереди с той же разницей, с какой на свет появились: сначала Кеша с Инной, а потом спустя ровно год и два месяца и Зина вышла за своего Петю.

Зинаида иногда рассказывала Свете вечером истории про брата. Много рассказывала. Но всегда чувствовала, когда нужно было остановиться и «отпустить» слушательницу.

Дима поначалу боялся, что за тёткой тоже может уход понадобиться: старенькая она была уже и болезнь у неё была нешуточная. Но Зинаида, на удивление, не доставляла никаких хлопот: мало того, что за дедом приглядывала, ещё иногда находила время и с внуками пообщаться, помогала им с немецким и английским, которые ещё помнила.

Напугала она всех только один раз. В субботу Дима со Светой услышали из соседней комнаты громкий вскрик и глухой звук падения. Прибежали: Зинаида полусидела на полу рядом с креслом. Оказалось, стало плохо, закружилась голова, она и осела, почти упала на пол и книгу из рук выронила. Её подняли, довели до кровати, уложили. Она говорила, что даже не ушиблась – только испугалась. Но была неестественно бледная.

Все засуетились, хотели вызвать скорую, но Зинаида отказывалась, говорила, что не нужно, что всё про себя и свои болячки знает, что приехала помогать, а не обузой быть. «Всё уже хорошо!» – повторяла она. Хотя видно было, что и не хорошо ей вовсе. «Я всё лучше врачей знаю. Вот помру – вызывайте кого хо...» – она не успела закончить фразу, как вдруг от окна раздалось неожиданное пронзительное:

– В очередь, Зинка!..

На дедушку никто не обращал внимания, пока крутились вокруг Зинаиды. А тут обернулись на его возглас: он сидел в кресле бледный, напряжённо и неестественно выпрямившись. Остановил взгляд на сестре и тихонько повторил:

– В очередь...

После чего побледнел сильнее – почти до зелёного цвета, закрыл глаза, дёрнулся, будто пронзило его током, и внезапно осел.

Дима кинулся к отцу.

– Я чувствовала, – прошептала Зинаида и беззвучно заплакала.

Скорую всё-таки вызвали.

*

На похоронах некоторые узнавали Зинаиду, подходили к ней с соболезнованиями. Она почти не плакала, только шептала что-то постоянно...

Осталась у Димы со Светой на пару дней. Её уговаривали пожить ещё хоть немного, но Зинаида отказалась – мало, мол, времени, чтобы успеть всё, что нужно, пока её очередь не пришла. И уехала в свою Пермь, даже на 9 дней не оставшись. Дима купил ей мобильный и взял слово быть постоянно на связи.

Созванивались теперь чаще, говорили о разном. Зинаида держалась молодцом для своих возраста и состояния. Рассказывала и про здоровье, и про соседку, и про огород, где ещё что-то умудрялась выращивать... К зиме она даже перестала говорить про смерть – это радовало. Приехать больше не планировала. Звала к себе – но Диму не отпускали с работы, у детей были школа и секции, Света тоже была в хлопотах. Решили, что летом повидаются – приедут в июле на целый месяц.

Но к концу весны состояние тёти Зины сильно ухудшилось.

В мае Диме и Свете пришлось отпроситься с работ и срочно ехать в Пермь. Зинаида соблюла очередь – хоронили её через год и два месяца после брата.

НОМИНАЦИЯ
**«Вот вам – крылатые учителя,
вот вам искусство полёта и пения»**

ПОЭЗИЯ
2 возрастная категория

Константин БЕЛЫЙ

Из цикла «Истории о мальчике Мите»

ЗНАКОМСТВО

Мальчик Митя – просто мальчик.
Он живет в соседнем доме.
Он во двор выходит часто,
 Если дел важнее нет.
Мы с ним крепко подружились,
Обсуждаем всё на свете.
Митя – человек серьёзный:
 Семь ему неполных лет.

Он с лохматой головою.
Он с разорванной штаниной.
Любит бегать, прыгать, лазить.
 В руки не берёт смартфон.
Он котов и кошек любит,
И собак конечно тоже.
И мне кажется, что в мире
 Любит всех на свете он.

Митя – очень любопытный!
Всё его интересует.
Он всё время рассуждает,
 Всем вопросы задаёт.
И бывает очень часто,
Что на Митины вопросы
Весь наш двор ответы ищет,
 И никак их не найдёт.

МИТЯ И ВЕЛОСИПЕД

Лето выдалось прекрасным!
На недельку я на дачу
По делам решил поехать,
 Ну, и чтобы отдохнуть.
И позвал на дачу Митю –
Бегать, загорать, купаться.
Он у мамы отпросился,
 И со мной собрался в путь.

Как-то дня через четыре
(Дни стремительно летели)
Он полез в сарай, и старый
 Мой нашёл велосипед.
И сказал мне: «Дядя Костя!
Я умею очень много!
Прыгать, бегать, кувыркаться,
 А на нём вот ездить – нет...»

Я сказал: «Ну, это просто!
Нужно лишь поймать движенье,
И сильней крутить педали –
 Чем быстрее едет он,
Тем устойчивей он будет,
И рулить им будет проще.
Я сейчас его налажу,
 И пойдём на «велодром».

Где-то час прошёл, и Митя
На просёлочной дороге
Сел в своей впервые жизни
 На железного коня.
Оттолкнулся, и поехал,
И почти упал тотчас же.
Я его поймал, и Митя
 Поблагодарил меня.

Я сказал: «Послушай, Митя!
Рано говорить «Спасибо».
Мы в процессе обучения –
 Вместе, рядом, наравне!
Лучше ты попробуй снова,
И пытайся, и пытайся.
И не бойся, Митя, падать –
 Просто доверяйся мне».

Митя пробовал, и падал.
Я его ловил и снова
Помогал ему поехать,
 И поддерживал чуть-чуть.
И, когда уже стемнело,
Понял я – пора настала!
Подтолкнул я с силой Митю,
 В собственный отправив путь.

Он поехал! Он не падал!
Всё быстрее крутил педали,
И рулём вертел отважно –
 Выбирал дорогу сам.
Он подпрыгивал на кочках,
Он проваливался в ямы,
И, казалось мне, отскочат
 Скоро оба колеса.

А потом, ко мне подъехав,
Он остановился рядом.
И сказал мне: «Дядя Костя,
 А теперь-то я могу
Вам сказать свое «Спасибо»?
И за то, что научили,
И за то, что поддержали,
 И толкнули на бегу.

Ведь не каждому, наверно,
Так везёт, чтоб был наставник.
Вы же мучились со мною
 Целый день, придя сюда.
Я Вам очень благодарен!
И хочу, чтоб Вы гордились
Мной. И что Вы мой учитель
 Не забуду никогда».

Я подумал: «Митя, Митя!
Твой успех – уже награда!
Это в радость, а не в тягость,
 Помогать взлететь птенцам.
Ну а если ты так ценишь
Труд учителя тяжёлый,
Значит ты, бесспорно, сможешь
 Стать учителем и сам!

23.01.21

НОМИНАЦИЯ
**«Вот вам – крылатые учителя,
вот вам искусство полёта и пения»**

ПРОЗА
1 возрастная категория

Екатерина ОСАДЧАЯ

ЛЮБИМАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Моему учителю литературы и русского языка посвящается...

Машина наезжает на очередную, но до боли знакомую выбоину. Удивительно, даже спустя двадцать пять лет ровную дорогу так и не проложили. Тёплое закатное солнце мелькает меж домов, стараясь обогнать машину. Мужчина поглядывает в боковые окна, его глаза блестят, он так давно не бывал здесь. На соседнем сиденье лежит аккуратный букет белых хризантем. Ещё будучи мальчишкой, он знал, что это её любимые цветы. Поворот – и за углом показалось заветное место, куда мужчина так спешит. Родная школа.

Припарковавшись у ворот, роется в бардачке, ищет что-то важное, то, что поможет ему окунуться в прошлое полностью. Нашупав шелковистый материал, мужчина достаёт... пионерский галстук. Он опускает зеркало заднего вида и, глядя в него, завязывает на шее бесценную ткань. В груди медленно разливается болезненное тепло: как давно это было... Напоследок он снимает очки и берет в руки горьковато пахнущий белоснежный букет.

На школьном дворе слышатся ребяческие крики, сердце с тоской сжимается. Так трудно во взрослой жизни найти время, чтобы просто съездить на родину. А ведь в школьном возрасте он не ценил эту свободу. Сейчас же готов отдать всё, чтоб вернуться в беззаботное детство, погулять с друзьями со двора, ещё раз отправиться летом в пионерский лагерь и снова влюбиться в одноклассницу... Всё это прошло, больше такого никогда с ним не повторится. Ласковый ветер касается волос, он идёт по школьному двору и воспоминания, как киноплёнка, мелькают в его голове. Школа внешне почти не изменилась, только потрескавшаяся краска на стенах выдаёт ушедшее время. Деревья стали намного выше. Неудивительно: все растут и стареют. Стареют... Мужчина пытается в голове представить её образ в настоящем. Быть может, она не сильно изменилась?

Шагая по ступенькам, он поправляет воротник, который, кажется, не даёт ему возможности спокойно дышать, и уверенно сжимает в руке букет, словно перед линейкой Первого сентября. И снова в его мыслях калейдоскоп из картин школьных лет. Считанные минуты – и он увидит ту, ради которой вернулся сюда. Вернулся в прошлое.

Школа, как и тогда, встречает его запахом старых книг и булочек из столовой. Но в этот раз он не поведётся на провокацию. В этот раз дорога ведёт сразу в класс. Забавно, ведь даже декоративная пальма, за которой прятались все его виртуозные шпаргалки, всё ещё стоит в углу у лестницы.

Вот он вновь стоит около двери своего бывшего класса, переминается с ноги на ногу, но уже не из-за страха войти и получить плохую отметку, а из-за опоздания. Времени больше нет, пора! Дверь раскрывается, и он заходит в кабинет. За столом сидит старушка со стопками тетрадей. Взгляд её моментально устремляется на мужчину. Секунда, две...

– Господи! Сидоров, ты ли это или меня глаза подводят?! – и уже вовсе не старушка, а его все та же любимая учительница быстрыми шагами направляется к нему. – Конечно, Володька, я тебя ни с кем не спутаю!

– Здравствуйте, Нина Александровна! – лицо расплылось в лучезарной улыбке, он чувствует, что всё было не зря и протягивает букет.

– Смотрите-ка, и цветы мои любимые принёс, и галстук завязал! А раньше то потеряет его, то надеть забудет, то ещё море причин! Вон ты какой вырос, – учительница треплет его по волосам, вдыхая аромат любимых цветов. – Как же я давно тебя не видела...

Нина Александровна не могла налюбоваться своим учеником. И хоть прошло столько лет, Володька остался в её глазах все тем же отчаянным, озорным и любознательным мальчишкой. Мальчишкой, который не был примерным в учёбе да в поведении, но женщина смогла разглядеть в нём потенциал и направить его в нужное русло.

– А знаете, Нина Александровна, Вы были тогда правы: я смог! Смог побороть свой страх перед трудностями. Благодаря Вам, Вашей настойчивости и мудрости я имею сегодня престижное образование. Сейчас работаю переводчиком в одной достаточно известной фирме. Спасибо большое за то, что поверили когда-то в меня и дали мне возможность тоже поверить в себя!

– Это правда?! – учительница вскинула брови в удивлении. – Ты не представляешь, как я рада за тебя!

В школьные годы Володе не хватало поддержки: родители много работали для того, чтобы он с братьями и сестрой были накормлены и обеспечены, поэтому поговорить с ними по душам удавалось нечасто. Именно поэтому Нина Александровна была для него не только любимым учителем, но и наставником. Она оставалась после уроков и помогала с непонятными заданиями. С ней можно было посоветоваться на любую тему. Он всегда знал, что она точно выручит, объяснит, поможет. Бывало, подолгу засиживались, решая казавшиеся ему тогда непосильными учебные задачи. Бывало, за чашкой чая просто болтали обо всём.

– Правда! Я бы и собой не стал без Вас, – задорно отвечал мужчина, почёсывая затылок. – Кстати, Нина Александровна, не знаете, как там Витька и Олежка? Помните их?

– А то их забудешь, два сапога – пара! Ой, да знаю только про Олежку. Семья у него, работает здесь же, в городке. Адрес не скажу, точно сама не знаю, а вот номер телефона могу дать, – задумчиво рассказывала Нина Александровна, опершись рукой о парту. И в её глазах видна та настоящая любовь к ученикам, которая бывает только у мамы и Настоящего Учителя.

– Позже номер мне запишете тогда, хорошо? Пока в городе, может, с ним пересечёмся. – Володя присел на стул. – Ну, а Вы как поживаете, дорогая Нина Александровна?

Учительница начала рассказ, а Володя внимательно слушал. Слушал и проживал вместе с рассказом школьные времена снова и снова. Сладкая и немного болезненная истома на сердце говорила о том, что ничего не проходит бесследно, что годы учёбы, если на твоём пути встретился настоящий Учитель,

Наставник, бесценны и памятны в течение всей жизни. И хочется жить, видеть родные и любимые лица и приносить людям пользу.

...На улице заметно потемнело, детские крики утихли. Неожиданно для себя, Нина Александровна и Володя засиделись за разговорами, ведь столько всего за четверть века произошло. Совсем не хотелось уходить. Никто не знает, когда ещё представится возможность так встретиться. Но время летит беспощадно и вот:

– До встречи, Нина Александровна! – с грустной нотой прощался Володя со своей любимой учительницей.

Алёна КУЗНЕЦОВА

«НЕ СМЕЙТЕ ЗАБЫВАТЬ УЧИТЕЛЕЙ!» (Кузнецова Раиса Давыдовна)

Раиса Давыдовна Кузнецова – известный в Ильинском округе педагог. Внешне она напоминает поэтессу А. А. Ахматову. В школу она пришла по призванию, с детства мечтала стать учителем. В своей родной Ильинской средней школе она проработала 48 лет, 28 из них – завучем. Раиса Давыдовна преподавала детям русский язык и литературу, формируя мировоззрение, нравственность, развивая словарный запас. Работая над повышением практической направленности уроков, проводила уроки-семинары, уроки-зачеты, лекции, турниры, уроки-путешествия. Старалась включать в коллективную и групповую деятельность каждого ученика, чтобы он осознал свою неповторимость и талантливость. Прививала любовь детям к исследовательской работе. Результатом кропотливого труда учителя было то, что в течение многих лет у нее не было неуспевающих по предмету, а сочинения детей отличались глубоким содержанием. Ее ученики умели мыслить, рассуждать, обобщать, высказывать свое мнение.

Работая заместителем директора по учебно-воспитательной работе, успешно сочетала «взращивание» и детей, и педагогический коллектив. Вела кропотливую работу с каждым учителем по совершенствованию методического мастерства, благодаря чему значительная часть педагогического коллектива имела высокую категориальность. Работая творчески, добиваясь положительных результатов в работе школы щедро делилась с коллегами района и края своим опытом и находками. Систематизировала и обобщила наработанный материал по развитию речи в виде печатного пособия, которое используется в школах. Многие ее ученики стали преподавателями русского языка и литературы в школах Ильинского округа. Они отзываются об уроках Раисы Давыдовны, как о «мгновениях, открытиях, на которых шел разговор не только о литературных героях, но и о себе самих». За подвижнический труд Раисе Давыдовне в 1987 году было присвоено звание «Заслуженный учитель школы РСФСР».

Интеллект, высокая культура Раисы Давыдовны, является идеалом и сегодняшних учителей. Добрые традиции, заложенные в Ильинской средней школе Р. Д. Кузнецовой продолжают и в других школах округа. И сегодня проведение литературных вечеров, гостиных, встреч сопровождается духом Добра, Творчества, Любви, Милосердия.

После выхода на пенсию, педагог осталась работать в школе. Под ее руководством был открыт школьный музей. Материалы, собранные в музее, оказывали неоценимую помощь ученикам при написании научно-исследовательских работ и рефератов. Благодаря музею, возродилась традиция школьных лет. При передаче дежурства вручался вымпел с надписью: «Класс образцового порядка». Это происходило еженедельно на общешкольной линейке и ребятам это нравилось.

Выйдя на заслуженный отдых, Раиса Давыдовна участвовала в районном конкурсе среди взрослого населения «Моя родословная». Заняла первое место, в работе изложила историю рода Вайнштейн-Кузнецовых, где основываясь на документах, рассказала о подвигах своего отца – участника Великой Отечественной войны.

В 2011 году Р. Д. Кузнецову выбрали членом районного президиума Совета ветеранов. Ей дали поручение вести работу по патриотическому воспитанию школьников. И вот уже более 10 лет она совместно с работниками музея, библиотеки, центра «Мозаика», учителями проводит мероприятия: интеллектуальные игры, конкурсы сочинений («Горжусь земляками», «Фронтные станицы семейного альбома», «Моя семейная реликвия», «Война в судьбе моей семьи»), фестиваль «Песня в солдатской шинели», конкурсы чтецов. За большую работу по патриотическому воспитанию в 2014 году ее портрет был помещен на районную Доску Почета. В 2018 году за проведение интеллектуальных игр со школьниками награждена краевым Советом ветеранов памятным Знаком.

Одновременно в течение трех лет Р. Д. Кузнецова была членом общественного совета при ОМВД. Занимаясь правовым воспитанием школьников, участвовала в проверках соблюдения прав и свобод лиц, содержащихся в изоляторе временного содержания ОВД.

Она и сегодня старается быть полезной людям, продолжая работать в районном Совете ветеранов, выступает в школе, музее, библиотеке. Ее приглашают как члена жюри в центр «Мозаика», Дом культуры.

Пермский поэт Владимир Радкевич посветил Раисе Давыдовне стихотворение «Уральская рябинка» (1979 г.) после того, как он побывал на литературном вечере, который она проводила в его честь.

Поэтесса Наталья Афанасьевна Паршакова, бывшая ученица Раисы Давыдовны, посвятила ей несколько стихотворений. В одном из них она вспоминает:

Вспоминаю часто вас учитель мой!
 Вы так о Пушкине вели рассказ умело,
 Слова наполнив теплотой,
 Что быть похожей я на вас хотела.
 Года бегут, Вас делаю прекрасней,
 И дай вам Бог и дальше так держать.
 По скоростной образованья трассе
 С улыбкой доброй, солнечной шагать.

(2017 г.)

О Р. Д. Кузнецовой можно найти материал на страницах районной газеты «Знамя», в книгах: «Учитель, перед именем твоим...» (Ильинский, 2006 г.), «Ильинский, страницы истории: к 425-летию поселка» (Пермь, 2004 г.)

Екатерина МЕНЬЩИКОВА

50 ЛЕТ НА СВОЕМ МЕСТЕ (Десятникова Галина Григорьевна)

Кто же является героем в наше время? Обратимся к толковому словарю С. И. Ожегова. «Герой – это человек, совершающий подвиги, необычный по своей самоотверженности». А В. И. Даль считал, что «герой – доблестный сподвижник вообще, в войне и в мире, самоотверженец». Для меня героем является человек, который самоотверженно 50 лет своей жизни отдал работе в школе. Это Галина Григорьевна Десятникова.

Родилась Галина Григорьевна 8 октября 1953 года в деревне Сибиряки Ильинского района Пермской области. К сожалению, этой деревни давно нет. О ней напоминают только заросли малины и высокие тополя на берегу речки Кемоль, недалеко от д. Бор. Её отец, Выголов Григорий Дмитриевич, работал помощником бригадира, затем кочегаром. Мама, Выгорова Таисия Ивановна, была заведующей молочного отделения в колхозе «Октябрь».

Когда девочке исполнилось 7 лет, она пошла учиться в Боровскую начальную школу, которая была в 3 км от дома. В любое время года и в любую погоду до школы Галина добиралась пешком. По её словам, учиться она любила, в школу всегда ходила с большим желанием, училась она хорошо, но отличницей не была. Любимым предметом с первого класса стала математика. А привила эту любовь её первая учительница Сибирякова Наталья Григорьевна, ветеран Великой Отечественной войны. Галина Григорьевна и сейчас с теплотой вспоминает «доброту, строгость и справедливость» своей наставницы. Поэтому Галина с детства не просто увлекалась математикой, а мечтала стать учителем математики. После окончания Каменской восьмилетней и Ильинской средней школ она в 1971 году заочно поступила в Пермский педагогический институт и начала свою профессиональную деятельность в Каменской школе в качестве воспитателя группы продленного дня и пионерской вожатой и осталась здесь навсегда. Получив образование учителя математики, начала преподавать.

С 1979 года и до реорганизации в 2019 году Галина Григорьевна была бессменным руководителем Каменской основной общеобразовательной школы. Конечно, успех школы во многом зависит от того, кто ей управляет. Каменской школе, безусловно, повезло с директором. Она видела в школе не только учебное учреждение, но и большую дружную семью детей и взрослых, поэтому старалась сделать школу красивее, теплее, уютнее. Несмотря на сложности и проблемы, Каменская школа всегда оставалась одной из лучших в нашем районе. Об этом говорят ежегодные победы в конкурсе «Школа года» с 2007 по 2018 год.

Успехи и победы школы во многом заслуга Галины Григорьевны. К каждому сотруднику, к каждому ребёнку и родителю директор находила свой подход, нужные слова. Она умела гордиться достижениями своих коллег,

радоваться каждому успеху своей школы. Каменские учителя регулярно входят в число победителей и призёров профессионального мастерства муниципального и краевого уровней. Галина Григорьевна старалась не отставать от инноваций и поэтому педагогический коллектив школы активно участвует в таких краевых проектах как «Электронный журнал успеваемости», «Университетско-школьный кластер» и другие, что способствует повышению образования обучающихся. На протяжении уже нескольких лет результаты выпускников 9 класса стабильно выше среднерайонных и среднекраевых показателей.

Галина Григорьевна справедливая, вежливая и тактичная женщина. С ней легко находить общий язык, решать, казалось бы, не решаемые задачи. Она – человек дела и слова. Если представить, что школа – это большой корабль то, Галина Григорьевна – капитан, который спокойно стоит у руля. На него с уверенностью смотрят и учителя, и ученики, и их родители. Со слов коллег «в такой спокойной, милой женщине трудно распознать волевого, высокоорганизованного человека, которая требовала порядок и дисциплину, но и была требовательна в себе».

Некоторых своих коллег Галина Григорьевна учила сначала в школе, а потом делилась и опытом профессиональным. Это моя мама, учитель математики, Меньщикова Е. В., мой классный руководитель, учитель русского языка и литературы Катаева О. Л., учитель физики и информатики Шляпина Л. В., учитель физкультуры Шляпин О. И. и учитель истории Старкова Э. Н. Все они выпускники Каменской школы и по примеру своего учителя вернулись работать в родную школу. Галина Григорьевна умело подбирала кадры для своей педагогической команды, которая ее никогда не подводила.

Кроме уроков и заботы о школе Галина Григорьевна постоянно вела общественную работу. Она выполняла обязанности секретаря комсомольской организации, была депутатом поселкового и местного Совета, депутатом Земского собрания Ильинского района, председателем Совета депутатов. Все эти должности выборные, а значит, Галине Григорьевне односельчане доверяли решение проблем, надеялись на ее ответственность и целеустремленность. Ведь если она что-то задумала, то обязательно доведет дело до конца.

За свой самоотверженный труд Галина Григорьевна была награждена благодарственными письмами главы Ильинского муниципального района, Земского собрания, депутата Законодательного Собрания Пермского края В.Б.Плюснина, управления образования администрации Ильинского муниципального района, Почетной грамотой Министерства образования и науки Пермского края, а также ей присвоено звание «Почетный работник общего образования Российской Федерации».

24 августа 2021 года Галина Григорьевна будет праздновать свой 50-летний педагогический стаж. Она продолжает трудиться в своем родном коллективе, в своей школе. Хочется пожелать ей здоровья, чтоб она могла еще долго передавать свой опыт учителям и знания детям. Для меня она человек, на которого хочется равняться.

НОМИНАЦИЯ
**«Вот вам – крылатые учителя,
вот вам искусство полёта и пения»**

ПРОЗА
2 возрастная категория

Галина МАРИНОВА

УЧИТЕЛЬ ПЕНИЯ

(эссе)

Однажды мы с моей подругой Людой увидели в нашем городе необычного человека. В летние каникулы, в конце августа мы сидели в кафе за чашечкой кофе. Кафе было на площади Ленина рядом с городским музеем. Там потом сделали «Пирожковую», а сейчас расположен магазин «Ярмарка». В кафе за столиками подавали кофе в маленьких алюминиевых кофейничках. А посетители уже сами наливали себе кофе в крохотные белые чашечки со скромной золотой полоской. К кофе можно было взять мороженое, пирожное, ликёр или даже коньяк (тоже в крохотных рюмочках, но мы не брали из-за отсутствия денег). Можно было сидеть долго-долго за этой чашечкой кофе, разговаривать или просто смотреть в окно.

И вот на другой стороне улицы мы вдруг увидели странного, необычного человека в шляпе и с тросточкой. Он будто сошёл со страниц романов И. Тургенева или другого писателя XIX века. Он перешёл улицу и зашёл в это кафе, где мы сидели с Людой. Небольшого роста, худощавый, тёмные густые волосы, усы и борода необычной формы. Ну, прямо герой романа! Какой-нибудь Базаров или Рахметов, по крайней мере в кинофильмах они выглядели именно так. Людмила все глаза проглядела, а я сидела к нему спиной и сгорала от любопытства. Люда мне шептала: «Не оборачивайся! Не оборачивайся, неприлично!» Действительно, неприлично разглядывать человека в упор и я терпела.

Разговоров у нас было потом на целую неделю! Кто такой? Откуда приехал в город? Мы с ней решили, что это актёр Березниковского драматического театра приехал из Москвы. Но каково же было наше удивление, когда он вошёл в наш класс с малиново-перламутровым аккордеоном – учитель пения. Учитель пения! Вот он кем оказался. Мы с Людой чуть с парты не свалились. А после урока стали «героями дня», по сто раз рассказывая всем и каждому, как мы первыми увидели его в кафе. Так в старших классах школы имени М. Горького (в 1962–65 гг.) Малиновский Эдуард Родионович стал учителем пения. Мы знали, что он сын участника Великой Отечественной войны Малиновского Родиона Яковлевича – маршала, министра обороны, дважды Героя Советского Союза.

Эдуард Родионович – очень обаятельный, умный, талантливый человек. Все одноклассницы просто обожали его! Он разучивал с нами песни по школьной программе и не по программе – «бардовские». Мы оставались после уроков и пели студенческие песни, привезённые сёстрами Тани Андреевой из Уральского политехнического института. Пели запрещённые тогда песни Б. Окуджавы, В. Высоцкого, А. Городницкого, Ю. Визбора и др. Песни были хорошие, романтические – про тайгу, костёр, палатки и дальние дороги. А когда кто-то из нас по своему недомыслию, предложил разучить песню: «Сижу

на нарах, как король на именинах», Эдуард Родионович разъяснил нам кто и где поёт такие песни. Всем стало стыдно.

Он ставил с нами спектакли в школе. Нашу «Несмеяну» посмотрели не только ученики школы М. Горького. Организовал бал-маскарад на Новый 1963 год, который всем запомнился надолго. Вернее, всё придумала и организовала Таня Андреева, а он только озвучивал. Но времени на репетиции с нами он не жалел. А ведь в это время он учился заочно в музыкальном училище на отделении хорового дирижирования.

На новогодний бал-маскарад мы шили себе костюмы шахматных фигур. Королём была у нас Галя Мацур, королевой – Света Рослякова, я и Люда Власенкова были ладьями. Мы с Людой купили белый материал (чёрного не нашлось в магазине), выкрасили его в чёрный цвет, раскроили и сшили себе длинные платья-рубашки. На плечах у нас были большие бумажные воротники, на головах короны. Те и другие были раскрашены в клетку белую и чёрную. Галя Мацур принесла электроплойку и завила свои волосы наподобие парика. Было всё очень здорово! Наш выход – шахматных фигур – получился очень торжественным. Мы выплывали парами под звуки марша из оперы «Аида» Джузеппе Верди. Играл, конечно, Эдуард Родионович. Потом звучал вальс и мы танцевали вокруг Новогодней ёлки, а потом танцевали что-то вроде полонеза. Получилось всё очень эффектно.

Эдуард Родионович любил рыбалку и грибную «охоту», много ездил, много видел и умел очень интересно рассказывать. С ним можно было поговорить «за жизнь», просто, как со старшим товарищем. Ах, если бы мы не заканчивали школу через год, то выбрали бы его своим классным руководителем! Тогда это практиковалось. Как-то даже были у него дома в гостях, не помню уже по какому случаю.

После того, как мы окончили школу, Эдуард Родионович перешёл работать в детскую музыкальную школу № 1 им. П. И. Чайковского и проработал в ней до конца. Был организатором класса аккордеона и преподавал в нём. Руководил художественной самодеятельностью в разных организациях и на предприятиях города. Писал песни и инструментальную музыку, руководил хором. Талантливый человек. В музыкальной школе был бессменным председателем профсоюзного комитета, люди доверяли ему, ценили его.

Через много лет я была на концерте детской музыкальной школы, видела Эдуарда Родионовича. Волосы побелели, но взгляд оставался прежним, с внутренним огнём, и узнать его было можно. Подойти к нему я не решилась.

Марина АНТИПИНА

*Посвящается учителю и наставнику
Леониду Павловичу Олюнину*

ЭНЕРГИЯ СВЕТА

Первое ощущение, когда я думаю о нём – поток света...

Нескончаемый, льющийся откуда-то сверху на всех нас – на всех тех, кто был с ним рядом...

«Поэзия – смысл моей жизни» – это фраза Учителя врезалась в память навсегда. Как сильно и верно сказано. Он был буквально пропитан её содержанием...

В 2009 году я пришла в городской литературно-поэтический клуб «Лира» по напутствию Любови Васильевны Бакановой и Алексея Александровича Матвеева. Признаюсь, далось мне это нелегко, ведь поэты клуба «Лира» казались мне не иначе как небожителями. Но встретили меня радушно самые обыкновенные люди. Искренние улыбки. Светлые лица...

Конечно, попросили меня почитать стихи. Волновалась жутко. Слушали внимательно.

И вот он, первый вопрос: «Вы печатаетесь?» Его самым серьёзным тоном задал Леонид Павлович Олюнин – поэт, председатель клуба «Лира». Всё вдруг стало предельно ясно: со мной говорили на равных. Ушло волнение. Меня приняли...

Потом было чаепитие и душевные разговоры – о том, что литературные интернет-сообщества – это хорошо, но живое общение лучше; о том, что в «Лире» всегда рады новым творческим людям; о том, что надо учиться и расти...

На протяжении многих лет я чувствовала его поддержку. И даже в самое трудное для меня время. «Не уходи. Ты нужна клубу» – это тоже его слова, которые он сказал именно тогда, когда они были необходимы.

Запомнился последний телефонный разговор – 16 февраля 2021 года, 10 часов утра.

Мы говорили о том, как прошёл значимый для творческих людей города конкурс «И только Слово выше Света...»; о том, как много гостей посетило это мероприятие; о начале сотрудничества с Пермским отделением Союза писателей России; о планах на будущее...

«Я очень доволен вами», – с теплотой в голосе признался Леонид Павлович.

Как вовремя судьба подарила нам его! И как рано забрала...

Когда я думаю об этом редком человеке, я чувствую нескончаемый поток энергии, льющийся сверху. Он пронизывает меня и придаёт сил. И надо жить, быть нужной людям, черпать вдохновение и, несмотря ни на что, творить...

2022 г.

Любовь БОТАЛОВА

*Наши любимый учитель, у вас юбилей!
Мы взрослыми стали! почти что догнали
По возрасту вас! Но едва ли, едва ли
Мы сможем догнать вас в уме и таланте.
Учитель, общественник и Человек
Вас не забудем все мы вовек!*

УЧИТЕЛЬ! УЧИТЕЛЬ!

Тема – замечательная... Кому как не учителям и наставникам – быть птицами, учить искусству полета и пения.

КАЖДЫЙ ИЗ НАС стал человеком только благодаря учителям. И разбуди меня даже ночью, я назову их – моих любимых учителей, моих наставников, которые вырастили, выучили, воспитали нас. Мы обязаны им всем. И думаю, что любой, не раздумывая, сделает то же самое, – назовет имена любимых учителей.

А кому, как не учителям, воспитывающим и готовящим учителей – быть впереди, в полной мере овладев искусством обучения.

Поэтому мне так захотелось рассказать о преподавателях Кудымкарского педагогического училища. Я закончила это учебное заведение в 1973 году, 50 лет назад. Коллектив педагогов был в то время просто замечательным, умным, начитанным, ведущим студентов к вершинам знаний и педагогики.

Открыла свой фотоальбом и нахлынули воспоминания о годах, когда мы учились в педучилище. Вспомнила однокурсниц и своих замечательных учителей, ведь каждое фото – это эпизод учебы, частичка нашей жизни, нашей молодости. И память о наших УЧИТЕЛЯХ.

Вот фото, где мы с моими подружками – однокурсницами Ниной Юговитиной и Светой Постниковой на новогоднем вечере. Такие милые, скромные, даже немножко испуганные первокурсницы. А вот еще фото в том же составе, но уже выпускной вечер – с дипломами, в нарядных платьях, серьезные, уверенные в себе учительницы. А между этими фото 4 студенческих года нашей группы, наполненных учебными занятиями, комсомольскими делами, практиками-уроками в школе и работой в летних пионерских лагерях. Ведь мы – это группа 1В-4 В, будущие пионервожатые и учителя начальных классов.

А вот несколько фото нашего похода по маршруту Кудымкар – Отево – Кува – Вежайка – Верх-Иньва – Пешнигорт – Кудымкар. Какие мы все смешные, нелепо одетые девчонки. Ушли мы в поход в холодную дождливую погоду, и, естественно, вся одежда и обувь промокала, ежедневно сушилась на костре, промокала и снова сушилась, поэтому к концу похода одежда и обувь превратились в нечто бесформенное и грубое, как и наши бедные ноги, на которых были сплошные мозоли. Но это нам не мешало радоваться.

Ведь с нами были любимые учителя – историк и географ, руководитель похода Кривошеков Артур Михайлович и физрук Петров Анатолий Григорьевич. В них тайно были влюблены многие наши девочки. В походе было интересно все: и выступать с концертами в деревнях, и проводить митинги у памятников павшим героям, и просто варить кашу и петь у костра, и слушать истории, которые нам рассказывал Артур Михайлович. Артур Михайлович был не только учителем истории и географии, но и прекрасным краеведом и лектором.

На следующей фотографии – опять почти вся группа, но уже не в походе, а на экскурсии в Ленинграде, куда мы поехали спустя три дня после похода, вот такой насыщенной была студенческая жизнь. Здесь на фото вместе с нами наша классная руководительница, учитель немецкого языка Таранушич Вера Леонидовна, спокойная, тактичная, учившая нас быть самостоятельными, и преподаватель математики Гущина Тамара Васильевна, благодаря которой мы узнавали много интересного не только о математике, но и о многих других предметах (она была большим любителем кроссвордов). А еще на фото Мария Федоровна – бессменный секретарь учебной части и Постановова Галина Васильевна. Все они тоже были любителями путешествий и ездили с нами не раз.

Вот и фото с нашего выпускного вечера. На руках у всех дипломы. И это уже взрослые, серьезные учителя, а не робкие, испуганные девчонки.

На фото и наши преподаватели. И начну с тех, с кем жизнь связала меня накрепко – с семьи Гуреевых. Оба они – и Валентина Николаевна и Михаил Петрович приехали в Кудымкарское педучилище по распределению. И так сложилось, что остались на всю жизнь. Валентина Николаевна начала свою педагогическую деятельность с нашей группы – у нас был первый урок в качестве студентов, и у нее первый урок – в качестве преподавателя пения и музыки. То, что мы научились за 4 года играть на уровне выпускников музыкальной школы (хотя занятия были всего по 15 минут в неделю) – ее заслуга. Очень требовательная, строгая, но в то же время легкая и улыбчивая, понимающая нас, студентов. Михаил Петрович – учитель по изобразительному искусству, очень умный, красивый, оригинальный человек и учитель, еще и самобытный художник. Михаил Петрович всегда был кумиром девочек.

Вот Лариса Вячеславовна Рязанцева – преподаватель по детской литературе, зав. практикой. Грамотный педагог, строгий и внимательный человек. Калина Галина Андреевна, учитель русского языка и литературы, ещё вела она у нас чистописание. В аудиторию входила всегда очень статная, красивая женщина. Она была уже в возрасте, но всегда выглядела замечательно, хотя ей пришлось студенткой пережить блокаду Ленинграда.

Наталья Ильинична Цокур – преподаватель педагогики, психологии. Маленькая, шустрая, энергичная, она тормошила нас, пыталась научить нас мыслить, быстро принимать решения, и сделать из нас педагогов, настоящих организаторов – вожаков пионеров.

А вот и наши физруки – Владимир Федорович и Людмила Алексеевна – это они все делали для того, чтобы в училище были спортивные успехи. А наша группа часто становилась лучшей в училище, в т.ч. и по спорту.

Надо вспомнить и участника войны Долдина Андрея Егоровича – учителя химии, который из-за ранения прихрамывал, что не мешало ему со своей группой ходить в походы.

И парторг Римма Николаевна Жунева, и учитель по техническим средствам Поздеев Алексей Александрович – все это замечательные педагоги. И вообще, кого из преподавателей ни назови – это талант, это распахнутая душа, это – Божья искра, это настоящий УЧИТЕЛЬ.

В те времена Кудымкарское педучилище всегда отличалось стабильным коллективом. Все преподаватели были высококвалифицированными педагогами, отличными методистами. Считалось честью работать в педучилище. Как одно из лучших учебных заведений области Кудымкарское педагогическое училище было награждено орденом Знак Почета.

А вот еще фото с заседания комитета комсомола. Комсомол – это тоже был своеобразный учитель, наставник молодежи. Нельзя не вспомнить и нашего комсомольского секретаря Васильеву (Хренову) Галину Васильевну. Это был настоящий лидер – заводила всех дел. Под ее руководством училище не раз становилось победителем в комсомольских делах округа и города. До сих пор помню ее подарок – книгу о комсомоле с надписью «Стремись вперед и не сдавайся! Гораздо больше людей сдавшихся, чем побежденных». Этот девиз и сопровождал меня во всех моих делах: и в школе, и в горкоме комсомола, и потом на всем жизненном пути.

Фотографии, фотографии: вот мы в колхозе, вот на практике, вот в стройотряде, вот на комсомольском собрании. И всюду наши девочки – мои однокурсницы и наши наставники – учителя!

И если говорить о победах, то их у выпускников педучилища было всегда много. Вот только несколько имен из нашей группы: Иванова Света, Боталова Люба – были избраны секретарями райкома, горкома ВЛКСМ, секретарями ком. организаций были Косова Валя, Рачева Надя. Работали в районо и директорами школ Штейникова Т., Мехоношина Н., Иванова С., Рачева Н., Кузнецова Г. А две наших однокурсницы трудились и на благо вашего города Березники: Обросова Анна – и сейчас живет и работает учителем математики, Валя Леханова (Дупак) работала в школе, а потом в Березниковском горкоме комсомола.

Прошли времена... К сожалению, по чьей-то злой воле Кудымкарское педучилище было закрыто, соединено с двумя профессионально-техническими училищами (строительных рабочих и кулинарных мастеров).

Все, что было наработано за многие годы, в т. ч. и музей училища, рассказывающий о достижениях и успехах выпускников, и все методические материалы брошены. А ветеранов – наших замечательных педагогов, учителей не пускают даже на порог! Как это «здорово»! Плакать хочется...

Как тут не сказать следующее...

Вот говорят: «Учитель, учитель! Учитель должен, учитель обязан. Оценивают все: дети, родители, коллеги, руководители школы, представители отделов образования, и пр., и пр., и пр.»

И даже телевидение ставит свою оценку, и чаще всего негативную – что ни фильм, то учитель в нем либо глупый, либо злой, а то и вообще, ничего не понимающий человек.

А учитель? Он всегда – УЧИТЕЛЬ с большой буквы. Этим все сказано. Даже начинающий, еще ничего не умеющий, он все равно уже Учитель. Он взял на себя великую миссию – вырастить и воспитать наше будущее.

Это он не спит ночами, а придумывает, как лучше провести урок, это он сидит до позднего вечера, проверяя тетради или проводя дополнительные занятия.

Это он, Учитель, руководит 30 сорванцами на уроке, пытаюсь утихомирить их и выдать учебный материал.

Это он, Учитель, пытается понять и узнать каждого ученика: что он любит, к чему стремиться, даст совет, поругает, если требуется, если заслужил.

Это он каждый день заседает и готовит отчеты то на педсовет, то на МО, то проводит классный час, то идет на экскурсию или в поход.

Учитель! Он и психолог, и предметник, он и мама с лаской, он – и папа со строгостью.

Учитель – он и полицейский, и пожарник, и доктор, и нянька.

Это он – спасатель! Последние случаи показали, как самоотвержен наш учитель, как он закрывает своей грудью детей от убийц.

Учитель – это 100 рук, и 500 голов, но к большому сожалению – одна зарплата. И такая, что становится стыдно и обидно за нашу страну, за нашу державу.

Учитель и обязан, учитель и должен!

А кто должен ему за бессонные ночи, за хлопотные дни?

Неужели государственные чины думают, что судьи, прокуроры, полиция, которым все время повышают зарплаты, сумеют воспитать наше младшее поколение?

Неужели наши артисты, получающие миллионы и участвующие без зазрения совести в таких спектаклях и фильмах, где в основе мат, пьянство, убийства и прочая антиморальная сущность, смогут улучшить воспитательный процесс?

Неужели нельзя задуматься об этом НАШИМ ДЕПУТАТАМ, НАШЕМУ ГОСУДАРСТВУ, НАШЕМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ?

Дорогие! Вспомните своих учителей и сделайте так, чтоб они жили достойно!

Очень хорошо, просто замечательно, что 2023 год назван Годом учителей и наставников! Может что-то сдвинется с места, и Учитель вновь приобретет уважение и почет в обществе, и достойную оплату труда!

**СПЕЦИАЛЬНЫЕ ДИПЛОМЫ
ФЕСТИВАЛЯ**

*Специальный диплом «За стихотворения для детей»***ЗАВЕДУ СЕБЕ КОРОВУ**

Не хочу себе собаку,
Попугая-какаду,
Мне не нужно черепаху,
Клетку с яркой певчей птахой,
Даже кошку-забияку –
Я корову заведу!

Заготовлю сена летом,
На балконе постелю.
Принесу ей два багета
И букет из сухоцветов,
Обязательно ей ленту
С колокольчиком куплю.

Расчешу корове чёлку
И пойдём гулять уже...
Ну и что, что на четвёртом
(Ведь всего лишь на четвёртом)
Мы, вполне себе с комфортом,
Проживаем этаже.

Вниз мы спустимся на лифте –
Я, корова и сосед.
– Дядя Петя, извините,
Вы немножко потеснитесь,
И, конечно, улыбнитесь
Нам с коровою вослед.

Мы до парка на трамвае,
Выпьем там стакан ситро,
В догонялки поиграем,
Крошками накормим чаек,
Вместе мячик погоняем
И вернёмся на метро.

Вечером с коровой дружно,
Сядем вместе за столом.
Приготовлю вкусный ужин,
А корова добродушно

Угостит меня воздушным
Тёплым белым молоком.
2020 г.

КАК ДОРОГУ ПЕРЕЙТИ?

Вова – парень хоть куда,
Знает всё на свете!
Если где-то вдруг беда,
То бегут к нему всегда
За советом дети.

Вот подходят к Вове Гриша,
Петя, Соня и Мариша
И торопятся спросить:
«Расскажи-ка нам Володя
Как дорогу переходят?
Мы, конечно, знаем вроде,
Но неплохо б повторить».

Вова сразу отвечает:
«Это, в общем, каждый знает.
Нужно нам по переходу
Через полосы идти.
И в любую непогоду
Нужно правила блюсти.

Переход бывает разный.
Самый-самый безопасный
Над землёй и под землёй.
И подняться, и спуститься
Должен там не полениться
Хоть малыш, хоть пожилой.

А когда на переходе
Мы увидим светофор,
То тогда, – сказал Володя –
На зелёный переходим -
Вот такой вот уговор.

Ну а если так случилось –
Светофора не видать,
Чтоб беды не случилось
Каждый должен твёрдо знать –
Твёрдо знать и соблюдать:

Посмотри сперва налево,
После вправо посмотри.
Это способ самый верный,
Самый-самый достоверный
И простой, как «Раз, два, три».

Перед выходом нам нужно
Видеть, что все встали дружно
И машин нет на пути,
А потом уже идти.

И тогда сказали Гриша,
Петя, Соня и Мариша:
«Будем правила мы знать
И всегда на переходе
Как сказал ты нам, Володя,
Все их будем соблюдать!
А теперь пойдём гулять».

2021 г.

Ольга СВИРИДЕНКО

Специальный диплом «За новизну поэтической интонации»

В ОСТАТКЕ...

В остатке тонкой нежности размах
И слово тянет смысл тугой и плотный,
Качается у неба на весах
И сушит нёбо жаркой тёмной плотью.
Летит поверх стрекочущих долин,
Поверх стеклянной зыби водоёма,
Иль достигает облачных вершин,
Иль одуванчиком вырастает возле дома.

КАК ЛЕВ...

Печальный паладин
Вдоль августа с метлой
Перебегает звёздную дорожку...
Качнутся облака
Над пыльной мостовой,
И дождь густой
пойдёт
грустить в обложку.
Вдоль памяти земной,
Вдоль стен витрин и крыш,
По узкому мосту выплясывая лихо.
Простолоудин с метлой
Как лев, золотогрив,
Откроет старый зонт
и улыбнётся тихо.

БОЛЕЗНЕННО МОЛЧУ

Болезненно молчу
Сквозь время пустоты,
Сквозь промежутки слов,
Сквозь сутолоку суток.
Немой язык – не мой,
Мой бьётся и кричит
Об острые углы
В текучий промежуток
Времён. Имён не счесть
За праздничным столом,

За песней,
За игрой,
За беззаботным словом.
Болит, кровит рассвет,
Уходят на тот свет мальчишки...
Что за бред!!!
В сиянии терновом...

ПОЭТАМ

Странники и странницы –
Странны лики стран.
– Чьи же вы избранники?
– Всех Господних ран!

По морю ли, посуху,
С посохом в руке,
Через годы прошлые,
Страхи. Налегке.

Рвётся эта ниточка,
В поле розов цвет,
И звенит калиточка
В небе тыщи лет.

Озарённость
Озарённость звуком, словом –
Свет и звук.

Слово плотно пеленает
От разлук.

Забинтует в сердце раны –
Рвы щелей

И проснутся океаны
Грудью всей.

Полотняная основа –
Парус – вдаль.

Бьётся сердце в этой шири
О скрижаль.

Юлия ЗИБЕРТ

Специальный диплом «За новизну поэтической интонации»

НОКТЮРН

Я хожу по городу одичало
Все как будто заново, все сначала
Отчего же раньше не замечала
Что сама я себе цензура

И возникшая атональность
То от глупости
До банальности
между нами смешна до крайности
Затянувшаяся цезура

До нелепости и трагичности
До пугающей аритмичности
До распада ядра и личности
Годы длящийся диссонанс
Спят в домах уставшие жители
И плохие, и положительные
Только грустные небожители
Огорченно глядят на нас

Этот город почти неведомый
Как и лес населенный ведьмами
Я вдыхаю со вкусом медленно
Его ночные импровизации

Я б совсем не боялась, верите?
Ни сумы, ни тюрьмы, ни смерти
Если б он улыбнулся первым мне
Если б он захотел остаться

ВОТ БЫ

Вот бы однажды утром не написать тебе никаких стихов
Побояться разбудить тебя, обнять и уткнуться тебе в плечо
И подумать, ощущая твое дыхание, что рифмы – для дураков
А для меня, для умной, есть поважнее дело – любить тебя горячо.

Вот бы снова стать восемнадцатилетней бейбой
Крутить романы направо – налево, как чертово колесо
И мечтать при этом – ах, повзрослеть скорей бы!
И попросить у замужней подруги примерить ее кольцо.

А потом не знать, как отвязаться от ее мужа
И влюбиться в мальчика всего на год старше
Вот бы потом он стал мне совсем не нужен
Вот бы мне позабыть его имя даже

Вот бы считать, что он мне ничем не дорог
Вот бы не вспоминать его в свои сорок

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Взойти на гору и в траве уснуть
В прохладе августа, под поздним летним небом
Сквозь сон понять, что пахнет свежим хлебом
И спелым яблоком. И разом жизни суть
Вдруг ощутить, как вспышку!
Яркий свет
Принять как явный непреложный факт
Что Бог со мной
Что смерти вовсе нет
Проснувшись, не забыть, что это так!

Научиться играть словами – оказалось просто
В этом я преуспела еще подростком
Делала это, заплетая косы,
(Заплетала хитрым способом – «колоском»)

Хотя, если копнуть чуточку глубже
Еще в пятилетнем возрасте, рассекая лужи,
Я натыкалась на рифмы и неуклюже
Перекаtywала во рту их розовым языком

Порхали трамваи, звенели цветы и птицы
Поскрипывали качели. И все это, смежив ресницы,
Можно было привести в порядок и насладиться
Драгоценными бусинами, нанизанными на шелк

Сладкий привкус леденца и родимой речи
Образовали микс. И с этой поры навечно

Фразы и звуки для меня представляли нечто
В чем разобраться мой непрременный долг

Шелковые нити сплетались и обрастали смыслом
И в полусне, когда путаются мечты и мысли
Я вышелушивала из звуков неологизмы
Золотые зерна перемалывала в пыльцу

Позже оказалось, что у каждого предмета – свое название
Даже для синонима нужно веское основание
И окрестить как-то иначе кисточку для рисования
Это по сугубо дерзости. И девочке не к лицу

Зато явления и предметы остаются всегда собой
Небо-небом, трава-травой, река-рекой
И даже если ты накроешь жука рукой
Он под ладошкой притихнет такой как есть

В юности оказалось все вокруг о любви
Все от нее, для нее. Даже кисточки и жуки
Возьмем немного любви и неба – уже стихи
При этом совсем неважно с рифмами или без

Пригодилось умение вслушиваться в рассвет
По дыханию угадывать "да" или "нет"
И вместо бессвязных упреков кому-то вслед
Вполне по птичьей прощепетать "адыю!"

Но однажды, оглядываясь назад,
Понимаешь – не в силах и двух слов связать
И остается только – глаза в глаза
И губами беззвучными – я люблю

Если осенний листок засушить – то конечно в Гомере
Или же в Пушкине, в Гарсиа Лорке, по крайней мере
Там ему будет достойно лежаться и славно
Позже, гербарий проверить – ты книгу откроешь. С заглавной
Тут же прочтешь, что «Числом превосходят ахейцы
В граде живущих троян. Но у сих многочисленны други».

*Специальный диплом «За мастерство в изображении детского характера»***К ПАПЕ!**

– До Кленового. Один, – девочка, на вид лет семи, протягивает водителю автобуса измятые сто рублей.

Розовый спортивный рюкзак за спиной, весь грязный. Белые чумазые кеды на залипах, левый без язычка. Лохматые пшеничные волосы собраны в пучок. Черная куртка, чёрные легинсы. Прямая спина, гордо поднятый подбородок, прямой взгляд.

– Один? – спрашивает водитель и берёт купюру рукой с татуировкой в виде штурвала. – Вопросительно смотрит на женщину за девочкиной спиной.

– Да, один, – отвечает девочка.

Вот и остановка. Девочка выходит из автобуса. Достает из кармана пожелтевший листок, разворачивает: “Пос. Кленовый, ул. Преображенского, 9”. Так. Куда тут идти?

– А вы не подскажете, где улица Преображенского?

Сухоньякая старушка, чуть скособоченная, смотрит на девочку, потом оглядывается по сторонам.

– Где твои родители? Ты, что ли, одна?

– Я иду к папе. Подскажите, где улица Преображенского?

– Иди через дорогу, прямо, на первом повороте направо, – старушка машет рукой, показывая направление.

– Чёртов придурок! Ну и где ты? – девочка пинает дверь. – Правильно мама про тебя говорит, шляешься непонятно где!

Она вздыхает. И что теперь делать? А если он уже давно здесь не живёт? Ветер гонит вдоль длинной пустой улицы опавшие листья. Девочка ёжится. Пахнет дымом. Вдалеке лает собака.

– А, ты к Илюше?

Девочка поднимает голову и видит старушку, которая подсказала ей дорогу. Стоит, опирается на кривую деревянную палку.

– Так его нет...

– Когда будет? – девочка смотрит на старушку исподлобья.

– Заходи ко мне, я тебя чаем напою? Расскажу... и покажу кое-что, – старушка показывает скрюченным пальцем с жёлтым ногтем на соседний дом. Ага, ещё чего. К незнакомому человеку в дом, ну-ну. Девочка сбегает с крыльца и как можно быстрее идёт по направлению к остановке.

– Темнеет уже! – кричит вслед старушка.

И вообще, зачем она припёрась! Ну и жила бы дальше с бабулей. Всю жизнь папу не видела, и дальше бы прожила! Он их с мамой бросил, да. Нормальные папы так не поступают! Маме вон пришлось в другой город уехать

работать. Даже почти не звонит и не приезжает, так много у неё работы. Из-за него всё! Даже алименты не платит, гад. Ладно, она сама что-нибудь придумает! Как бабулю вылечить, как тетрадки к школе купить. Если мама не приедет. А то неделю уже трубку не берёт.

Папа её не любит, бросил, а она к нему притащилась...

– Как тебя зовут-то?

– В... Ве... Вера...

– А меня бабушка Уля.

Сердце у Веры бешено колотится. За прошедшие три минуты она успела убежать от огромного лохматого водолаза, испугаться темнотищи в коридоре, освещённом только двумя свечками, и того, что скрюченная старушка проткнёт её палкой. Но старушка только постучала своей палкой по двери. Что-то пробормотала, и громкий лай снаружи, наконец, умолк.

В ушах у Веры всё ещё звенит. Коленки дрожат. В глазах рябит от танца свечных огоньков. Пахнет спичками.

Вера стоит на чердаке с одной свечкой. Кажется, сейчас к ней из темноты протянутся липкие щупальца и схватят... Бр...

– Справа, справа! – голос бабушки Ули доносится снизу. – Все язычки надо повернуть наверх.

Вера перещёлкивает старинные язычки на распределителе, внизу загорается свет.

– Включи на чердаке свет-то тоже, – говорит бабушка Уля. – Посмотри. Это твой папа делал, для тебя. Когда ты только-только родилась. Да потом спускайся на кухню, чаю мятного попьём.

Вера забыла дышать: перед ней детская кроватка, сделанная в виде кораблика; по деревянным бортам вырезаны русалки с перламутровыми хвостами и длинными волнистыми волосами, полог сделан в виде полупрозрачного белого паруса.

Вот это красота-а!

И всё такое пыльное...

Девочка чихает.

Вера стоит на белом песке, волны пытаются лизнуть ее чумазые белые кеды. Впереди, слева и справа простираются тёмно-синие воды. Ветер треплет пшеничные волосы.

– Давай, – шепчет бабушка Уля.

Вера достаёт из бархатного мешочка на груди солнечную янтарину, кладёт в центр ладони и накрывает сверху другой ладонью.

А вдруг вообще всё это ерунда и ничего не работает?

Вдруг она по дороге потеряет вторую янтарину, которая должна помочь вернуться обратно?

А если она вообще попадёт не туда, куда нужно?

А если она всё-таки ему не нужна? Может, он её на самом деле не любит?

Вдруг ладони обжигает, вспыхивает яркий свет. Вера зажмуривается. И в следующую секунду чувствует, как земля резко крениится вправо. Вера падает, ударяется плечом и открывает глаза. Успевает увидеть как на неё летит деревянная бочка. Ещё удар. И – тьма.

Вера разлепляет глаза. Как же раскалывается голова!.. Что это за место? И почему так качает? Ещё и тошнит... Вера смотрит вверх и видит деревянный потолок. На фоне потолка возникает коричневое бородатое лицо в красной вязаной шапке. Глаза тёмно-синие, искрятся. В уголках – тонкие морщинки, какие бывают у людей, которые много смеются. Слышен гулкий стук волн обо что-то деревянное.

– Ну что, очнулась? – произносит глубокий бас, теплый и тягучий, как горячий шоколад, который варила ей по праздникам бабуля, когда была здорова.

Интересно, кто это? А он не опасный? Мысли вяло ворочаются в вериной голове.

Как от него вкусно пахнет... Ветром. И рыбой.

Вера пытается сесть.

– Лежи, лежи, у тебя вон какая шишка на голове.

Теперь на фоне потолка Вера видит ещё и мускулистые руки с закатанными полосатыми рукавами. Огромные ладони кладут ей на лоб прохладное влажное полотенце.

– Как же ты очутилась здесь, Вера?

Вера вскакивает, полотенце шлёпается со лба на коленки, легинсы тут же намокают.

– Откуда вы знаете, как меня зовут?

– Да уж... Наверное, матушка Уля постаралась. Она любит что-нибудь такое учудить.

Матушка Уля?.. А, точно! Янтарина!

– Где я?

– На корабле.

– А вы кто?

Широкие, как вёсла, ладони достают из-под тельняшки висящий на груди овальный серебряный кулончик. Огромные пальцы с трудом открывают его. И там Вера видит фотографию белокурой малышки с тёмно-синими глазами, которая обнимает плюшевого кита.

Такого же, с каким Вера засыпает в обнимку, сколько себя помнит...

– Так ты...

Но Вера не успевает больше ничего сказать, потому что весла загребают её и сдавливают так, что не продохнуть. Борода колет щёку и шею.

Сначала Вера скукоживается, как вяленая вобла. А потом расслабляется, обмякает.

К подбородку катятся горячие слёзы.

– Какая же ты выросла красивая... И крепкая! Моя девочка... – шепчет большерукий мягкий обладатель колючей бороды и красной шапки. Огромные руки отпускают Веру.

И большой человек в тельняшке становится вдруг какой-то зыбкий и будто полупрозрачный...

Вера разлепляет глаза. Лоб болит. И плечо. Надо же было уснуть, уткнувшись в деревянную ручку кресла... Бабушка Уля сидит в соседнем кресле и что-то вяжет крючком.

На щеках мокро.

– Бабушка Уля.

– М?

– Его... его больше нет?... Да?..

Бабушка Уля протягивает Вере фотографию мужчины в тельняшке и красной вязаной шапке. Его тёмно-синие глаза улыбаются.

– Матушка Уля... – в глазах Веры мелькает догадка. – Так вы... вы его... его мама?

Бабушка Уля перестаёт вязать и кладёт руки со скрюченными пальцами на колени. Пристально смотрит в Верины китовые глаза. Кажется, целую вечность смотрит. И наконец кивает.

Вера вскакивает. Так вот почему её кровать вдруг оказалась на чердаке у этой старушки...

– Бабушка... Вы моя бабушка!..

Вера делает два порывистых шага к рыжему стеллажу с книгами, резко разворачивается и шагает обратно к креслу. Вдруг застывает на месте.

– Что... что с ним стало? Он утонул?..

Бабушка Уля уже снова вяжет и не смотрит на девочку.

– А я... смогу... смогу его ещё увидеть? Ну, он мне приснится опять?

Бабушка Уля кладёт вязание в корзинку на полу, тянется к своей узловатой палке. Кряхтя, встаёт с кресла и, шаркая тапочками по полу и постукивая палкой, идёт к кухне.

– Пойдём, еще чаю попьём. Или ты, может, проголодалась? Давай я тебе бутербродов сделаю, с маслом и сыром.

– Да мне домой надо, бабушка Люба, наверно, волнуется.

– А ты позвони ей, скажи, что завтра приедешь. Поздно уж, автобусы-то не ходят... Постелю тебе на диване.

– Бабушка Уля... – Вера пробует губами чай: кипяток! – Бабушка Уля, так я смогу его... папу... увидеть снова?

– А ты хочешь?

– Конечно!

– Ты же говорила, что он придурок. Когда его дверь пинала, – бабушка Уля откусывает бутерброд с сыром и жуёт с серьёзным видом, а у самой в глазах пляшут лукавые блики.

– Ну... а может, всё-таки он нормальный?.. – Вера берёт ложечку, зачерпывает чай. Дует, тянет чай губами. – Бабушка. Так что с ним стало? А? И почему он нас с мамой бросил? У всех есть папы, а мой куда делся?

– А вот ты сама у него и спроси!

– Хм. А как?

Бабушка Уля молчит. Откусывает бутерброд. Запивает чаем. Медленно жуёт.

Вера тоже молчит. Дует в кружку, пробует чай губами, снова дует. Откусывает бутерброд, осторожно отпивает чай – уже подостыл. Поглядывает на бабушку Улю. Вздыхает. Притопывает под столом правой ногой. Но ничего не говорит.

Наконец бабушка Уля встаёт из-за стола, ополаскивает свою кружку под слабой струёй воды из-под крана. Выключает воду, ставит кружку на сушилку, та звякает. Потом берёт свою узловатую палку, стучит ей три раза по полу и бормочет что-то, полуприкрыв глаза.

И тут на круглом цветастом коврикe прямо из воздуха появляется коричневый бархатный мешок и золотистыми шнурками. Бабушка Уля кивает на него.

Вера вылезает из-за стола, осторожно опускается на колени и медленно растягивает края мешка в стороны. В полутьму кухни врывается поток солнечного света, такой яркий, что в первую секунду Вера зажмуривается. Потом наконец заглядывает в мешок.

– Это что, янтарины? Они волшебные? Так они мне не приснились, да?.. Бабушка Уля кивает и, кряхтя, усаживается обратно на стул.

– Ты сможешь спросить у него сама. Всё-всё, что захочешь. Можешь являться к нему хоть каждый день.

– А если янтарины закончатся?

– Не закончатся. Так... а тут где-то у меня было... – бабушка Уля тянется к деревянному ящику, который стоит на подоконнике, чем-то шебуршит там и достаёт пузырёк из тёмного стекла. – Вот, – протягивает она пузырёк Вере. – Это для твоей бабушки Любы. 10 капель утром, 10 капель вечером, после еды. Пять дней подряд. Как ей станет лучше, приезжайте ко мне. Втроём всё веселее, правда ведь. А мама твоя как объявится, так и с ней что-то решим... И тетрадки тебе к школе купим.

– Бабушка Уля, а откуда... откуда ты всё знаешь? И про бабушку Любу, и про маму... И... про всё...

Старушка подмигивает Вере. Опять со скрипом поднимается со стула и, шаркая тапками и стуча палкой, направляется обратно в комнату.

– Пойдём спать, уж ночь-полночь.

Вера берёт одну янтарину и зажимает в ладошке. Да, да. Только сначала – к папе!

Татьяна КИБАНОВА

Специальный диплом

«За высокую художественность в изображении обыденности»

ОТКУДА БЕРЁТСЯ МЯСО?

(быль)

Дело было в мясном магазине. Море мяса: витрины налево и направо. Очень. Передо мной молодая мама с сыном лет 5-6. Мальчик, растерянно разглядывая витрины с разнообразной продукцией, спрашивает мать:

– Всех этих животных убили?

Последовал слегка раздраженный ответ:

– Я же тебе говорила, что человек для этого и выращивает животных. Ты же любишь пельмени с мясом?

– Люблю... – покосившись на витрины нерешительно ответил мальчик. Ему было явно не по себе в этом магазине. Немного помолчав, он снова спросил:

– Так их убили?

– Опять!?! – мама ребенка видимо не могла найти слов для ответа.

– Скажу отцу! Пусть он тебе объясняет.

Потом немного подумала и ответила:

– Их не убивают, а усыпляют.

Наверное у мальчика появились надежда в душе, что не всё так ужасно, и он спросил:

– А они потом проснутся?

Какая-то впереди стоящая глупая тётка рассмеялась, слушая этот диалог, а мать ответила:

– Нет, конечно!

Мне стало грустно и расхотелось покупать мясо.

Пока шла домой, этот удивительный мальчик не выходил у меня из головы: ведь не каждый взрослый, а тем более ребенок задумается, откуда берётся мясо...

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ

Жила в лесу лисичка Солнышко. Она была ещё маленькая и очень хотела дружить с зайчиком, которого звали Скок. Но зайчик думал, что лисичка большая и боялся её.

Когда Солнышко хотела поиграть с зайчиком, он убежал.

Однажды лисичкина мама позвала свою дочку в лес погулять. На самом деле, большая лисичка хотела научить своё Солнышко охотиться. А маленькая ни за что охотиться не хотела! Она мечтала со всё дружить...

Когда мама лисичка стала старая и убежала в лес насовсем, лиска Солнышко подумала, что ей придётся пойти на охоту, и может быть поймать зайчика...

БАБУШКИНА ТЫКВА

Маша очень любила гулять у бабушки в огороде. Она заглядывала под листики, смотрела как растут разные овощи: огурцы, кабачки, морковь, горох.

Но больше всех ей нравилась тыква!

Она была особенная: жёлтая, тёплая, большая-пребольшая.

Маша садилась на неё, как на стульчик и отдыхала. Ведь она была бабушкина помощница!

Ещё особенной тыква была потому, что всегда хохотала, когда была хорошая погода.

Если тучки прятали солнце, то она просто улыбалась и думала:

– Побуду пока солнышком!

За это её все и любили: и Маша, и бабушка и все-все овощи.

ДУДУ И ЕЁ МЕЧТА

В лесу под большими листьями жила улитка. Звали её Дуду.

Жила-то она хорошо, но переживала, что её места никогда не исполнится.

А мечтала Дуду стать муравьём.

Ей очень хотелось жить в чудесном муравейнике и веселиться с друзьями.

Смотрит улитка, а муравьи всё бегают по дорожке. И каждый что-нибудь несёт в свой муравьиный дом.

Один муравей, которого звали Усик, тащил длинную сосновую иголку.

Дуду рассказала Усику о своей мечте, и он предложил улитке отнести хвоинку к муравейнику.

Дуду обрадовалась и быстро потащила иголку-хвоинку на место. Но вдруг муравьи на дороге стали налетать друг на друга, получилась куча-мала и образовалась пробка!

Оказалось, всё случилось из-за улитки. Ведь она думала, что ползёт очень быстро. А на самом деле...

Улитка Дуду вздохнула и подумала, что живёт-то она хорошо... Ведь у неё есть свой домик. А у муравья Усика дом общий.

Дуду перезнакомились со всеми улитками, которые жили по близости и теперь мечтает выйти замуж.

Екатерина САВИНЦЕВА

*Специальный диплом
«За открытие нового ракурса в изображении трагедии войны»*

РАЙКИН ХЛЕБ

– Райка! Ра-ай-ка-а! – кричала нараспев босая молодая баба. Она уверенно направлялась на окраину деревни, перекачиваясь всем телом с одной ноги на другую. По дороге женщина сорвала ветку молодой ивы, и сделала из неё прутик. В конце улицы шумели ребята. Они носились по лугу, прячась между стогами свежего сена. Косили этим летом. Мужиков в деревне почти не осталось, и покосом занимались бабы, не отлучаясь далеко от дома.

Здесь бегала вся деревенская ребятня. Малыши копошились в цветастых зарослях, разглядывая кузнечиков и муравьёв. Взрослые сидели особняком и лузгали, ещё незрелые, семечки из огромного каравая подсолнуха. Руки и губы у них были иссиня-чёрные, и они не столько ели сколько смеялись друг над другом.

Основная часть детей играла в салки. Среди них, громко крича и шустро передвигая ножками, была Райка. Девочке зимой исполнилось семь. За лето она здорово вытянулась, и ничем не отличалась от ребят постарше. Она была очень худенькой, но необыкновенно ловкой и быстрой. Догнать Райку не мог никто. От этого она вошла в раж, и, задорно хохоча, влетела наверх стога.

Бабу с прутиком звали Дарьей. Она приходилась Райке тёткой, потому как была родной сестрой её отца. Сам он ушёл воевать ещё в июне, и вестей от него не было совсем. На майские праздники, накануне войны, у Райки родилась сестра. Женщине было непросто прокормить одной двух детей, и в помощники взять некого. Поплакала Проскофья пару дней по супругу и засобиралась к своим. Дорога неблизкая, километров триста. Хотела обеих взять, да родичи мужа отговорили. Тяжело одной с двумя-то в дороге. Поживёшь, устроишься и за Райкой приедешь. Оставила она старшую дочь на лето с тяжёлым сердцем. Кто ж знал, что немец расползётся по стране, как масляное пятно. Не вернулась Проскофья за дочерью прошлой осенью. И отец писем не присылал. Так и пролетел год.

Райка жила своими детскими заботами в семье тётки. Где-то далеко шла война, папка бил врага. Мамка растила сестрёнку. И вот-вот всё должно закончиться, и начнётся оно, настоящее счастье. Кроме неё у Шамариных было ещё пятеро. Дети рождались один за другим подряд. Сам Шамарин на фронт не поехал. Лет десять назад покалечил ногу на колхозных работах. Мужик он был рукастый и непьющий, по дому брался за любую работу, а в поле не воин. Осиротела деревня без мужчин, одни старики, да несколько калек. Вот и он стодился. Дарье было спокойно за ним. Детям она не давала спуска никому. Бранилась много, но никогда не била, да и хворостина больше была нужна для устрашения.

Райку она заметила сразу. Девчонка прыгала на верхушке стога, как вдруг исчезла. Провалилась внутрь. Вот чудо! Такого не должно быть!

Ребята гудят пчёлами вокруг стога, а она сидит внутри, и чудно ей всё. Было светло и шумно, а стало неожиданно тихо и темно. Свет пробивается сквозь сухие травинки, и шелестит сено, заглушая детский гам. Сидит Райка внутри и не дышит, какую ещё бы проказу сотворить! Хотела было в сторону ход прокопать, да не то, и сено колется больно. Посмотрела вверх. Там небо голубым блюдечком над ней висит. Слышит, как кто-то уже взбирается на стог. Показалась по краю окошка смешная голова Сеньки. Необычно на него снизу смотреть.

– Ты чего притихла там? – спрашивает её Сенька.

– Ничего. – Рассеянно Райка отвечает. – Я знаешь, что думаю, почему я сюда провалилась?

– Я не знаю, – замотал волосами мальчуган, – ты руки дай, я тебя вытяну.

– Да я и сама вылезу. Я ведь недалеко провалилась, – она опёрлась на что-то твёрдое и добавила, – провалилась неглубоко, а подо мной как земля.

Сенька удивлённо таращит на неё глаза.

– Мож, там схрон какой, – зашептал он, – партизанский?

Райка прыснула.

– Скажешь тоже, – она наклонилась вниз, и достала ладошками до тверди, на которой стояла. Под пальчиками зашуршала грубая ткань. Девочка ткнула в неё, твердь поддалась мелкими камушками. Райка перебирала нечто непонятное ладошкой, пока не проткнула пальцем ткань. В руку посыпались мелкие зёрнышки. Райка подняла руку и увидела пшеницу.

– Хлеб! – закричала она. – Здесь хлеб!

Словно по команде вокруг зашуршало сено. Стог заходил ходуном. Вмиг разнесли его дети, только слышали слово хлеб. Эхом отдалось оно по всему лугу. И слетелись на него мошками и взрослые, и дети. И Дарья позабросила свой прут. И подростки уронили свои полупустые подсолнухи. Даже малыши, как лягушата, скакали вокруг.

Сено таяло вокруг Райки. И вот уже показались три мешка, на которых сидела девочка посреди разбросанного стога.

– Ай да, Райка! – кричали мальчишки. – Ай да, везучая!

Девочку распирало от гордости, хлеба то с зимы не ели! Муки нет. Никто не пашет, не сеет, не собирает, не мелет. Где-то в далёких тёплых землях идут бои, и там не до хлеба. Говорят, ближе к Уралу пекут ещё, но всё для фронта. А тамбовские голодные сидят, как волки.

– А вдруг ещё где есть? – Ватага ребят кинулась к остальным двум стогам. Разворошили мигом всё. Напрасно. Счастливым оказался один. Райкин.

Уже прибежали и другие бабы с деревни. Стали зерно делить. Посчитали по ртам.

Гордая возвращалась Райка домой! Добытчица! Сама себе пропитание обеспечила. Не сердилась на неё Дарья. Только тихонечко письмо от матери припрятала. После ужина покажу, решила тётка, может не так расстроится.

Хорош был ужин нынче! Картошка со свежим хлебом. Райке самый большой ломоть достался.

Смотрит на детей Дарья и слёзы вытирает. Сердилась на Проскофью, да простила. В чём её вина? Война добралась и до них. К Уралу поехали Райкины родственники. Оставили её на попечение Дарьи. Не виновата и Райка, что лишним ртом оказалась в большой семье в голодное время. Не виноваты и её родители, что ещё ребёночка родили. Всё война виновата проклятая! Отняла у детей детство, у родителей материнство, у мужиков жизнь трудовую.

Думала эти мысли горькие Дарья и жевала медленно свежий хлебушек. Становилось ей на душе тепло, словно лучики солнышка проникли в неё и озарили богатства, покрытые ветошью. Запретила себе Дарья радоваться, а сердце всё равно взяло своё.

**ФОТОЛЕТОПИСЬ
ФЕСТИВАЛЯ**

Церемония открытия XXII фестиваля-конкурса литературного творчества «Решетовские встречи», 1 апреля 2023 г.

Фестивальные творческие площадки, 1 апреля 2023 г.

Интеллектуальное состязание «Вспомню все подробности, детали...»

Детская площадка «Солнечные зайчики»

Выставка книг-миниатюр «Любимые трехдюймовочки из коллекции Владимира Нуждина (г. Пермь)

«Поэтические чтения» под управлением Михаила Куимова

*Выставочно-экспозиционный комплекс
из фондов музея ПАО «Уралкалий» и Музея образования*

«Решетовское» меню

Лауреаты и участники XXII фестиваля-конкурса литературного творчества «Решетовские встречи», 1 апреля 2023 г.

Встреча с поэтом Андреем Сальниковым (Екатеринбург) в модельной библиотеке № 3 (семейного чтения)

Встреча с поэтом Андреем Санниковым (Екатеринбург) в библиотеке № 12 (юношеской)

*Встреча с поэтом Никитой Поповским (Челябинск)
в библиотеке № 6 (краеведческой)*

*Встреча с издателем Мариной Волковой (Челябинск)
в Усольской городской библиотеке*

Авторы альманаха

Абатурова Ольга Алексеевна (2 место в номинации «Поэзия», 2 возрастная категория, г. Пермь)

Антипина Марина Михайловна (2 место в номинации «Вот вам – крылатые учителя, вот вам искусство полёта и пения»: проза, 2 возрастная категория, г. Соликамск Пермского края)

Белый Константин Владимирович (1 место в номинации «Вот вам – крылатые учителя, вот вам искусство полёта и пения»: поэзия, 2 возрастная категория, г. Москва)

Боталова Любовь Прокопьевна (3 место в номинации «Вот вам – крылатые учителя, вот вам искусство полёта и пения»: проза, 2 возрастная категория, г. Кудымкар Пермского края)

Го-шин-тан Алексей Александрович (3 место в номинации «Проза», 1 возрастная категория, г. Чита)

Гросу Ирина Викторовна (журналист, г. Березники Пермского края)

Зиберт Юлия Геннадьевна (специальный диплом Фестиваля «За новизну поэтической интонации», г. Екатеринбург)

Кашляева Валентина Викторовна (3 место в номинации «Проза», 2 возрастная категория, г. Москва)

Кибанова Татьяна Петровна (специальный диплом Фестиваля «За высокую художественность в изображении обыденности», г. Березники Пермского края)

Кузнецова Алёна Александровна (2 место в номинации «Вот вам – крылатые учителя, вот вам искусство полёта и пения»: проза, 1 возрастная категория, пос. Ильинский Пермского края)

Кузнецова Татьяна Викторовна (1 место в номинации «Проза», 2 возрастная категория, г. Сочи)

Куимов Михаил Игоревич (2 место в номинации «Поэзия», 1 возрастная категория, г. Березники Пермского края)

Малиновская Екатерина Андреевна (1 место в номинации «Поэзия», 1 возрастная категория, г. Красноярск)

Мальцев Алексей Васильевич (поэт, прозаик, публицист, член жюри Фестиваля, г. Пермь)

Мальцева Елена Владимировна (специальный диплом Фестиваля «За стихотворения для детей», г. Новороссийск)

Маринова Галина Афанасьевна (1 место в номинации «Вот вам – крылатые учителя, вот вам искусство полёта и пения»: проза, 2 возрастная категория, г. Березники Пермского края)

Меньщикова Екатерина Андреевна (2 место в номинации «Вот вам – крылатые учителя, вот вам искусство полёта и пения»: проза, 1 возрастная категория, д. Новая Каменка Пермского края)

Михайлов Игорь Иванович (3 место в номинации «Поэзия», 2 возрастная категория, г. Лысьва Пермского края)

Москвина Лада Александровна (2 место в номинации «Проза», 1 возрастная категория, г. Владивосток)

Осадчая Екатерина Андреевна (1 место в номинации «Вот вам – крылатые учителя, вот вам искусство полёта и пения»: проза, 1 возрастная категория, Тюменская обл., Сургутский р-н, г. Лянтор)

Решетов Алексей Леонидович (1937-2002). Поэт. Член Союза писателей СССР. Заслуженный работник культуры РФ. Почётный гражданин города Березники. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка. Родился в г. Хабаровске. С 1943 по 1982 гг. жил в г. Березники. Писать стихи начал с 1953 г. Работал на Березниковском калийном рудоуправлении, литературным консультантом при Пермской областной писательской организации. Автор 19 поэтических и прозаических книг, трёхтомного собрания сочинений. Стихи опубликованы в антологиях "Строфы века", "Час России", "Русская поэзия. XX век", "Сто шедевров современной лирики" (Болгария) и других.

Рябчикова Елена Валериевна (2 место в номинации «Проза», 2 возрастная категория, с. Якшур-Бодья, Удмуртская Республика)

Свириденко Ольга Ефимовна (специальный диплом Фестиваля «За новизну поэтической интонации», г. Краснокамск Пермского края)

Савинцева Екатерина Александровна (специальный диплом Фестиваля «За открытие нового ракурса в изображении трагедии войны», г. Москва)

Ходырева Анастасия Павловна (3 место в номинации «Поэзия», 1 группа; специальный диплом Фестиваля «За мастерство в изображении детского характера», г. Пермь)

Чердаков Алексей Владимирович (1 место в номинации «Поэзия», 2 возрастная категория, г. Челябинск)

Шахова Дарина Анатольевна (2 место в номинации «Проза», 1 возрастная категория, г. Великий Новгород)

Щелканова Марина Александровна (1 место в номинации «Проза», 1 возрастная категория, г. Пермь)

СОДЕРЖАНИЕ

Ирина Гросу. Друзья собираются вновь	3
Алексей Мальцев. Головокружение от географии	9
Алексей Решетов. «Есть неизбежное желанье свой дух кому-то передать»	11
НОМИНАЦИЯ «Поэзия». 1 возрастная категория	
Екатерина Малиновская	17
Михаил Куимов	20
Анастасия Ходырева	23
НОМИНАЦИЯ «Поэзия». 2 возрастная категория	
Алексей Чердаков	27
Ольга Абатурова	29
Игорь Михайлов	31
НОМИНАЦИЯ «Проза». 1 возрастная категория	
Марина Щелканова. Смутная жидкость	35
Лада Москвина. Стихотворения в прозе	37
Дарина Шахова. «Серафима проснулась»	41
Алексей Го-шин-тан. Загонщик	43
НОМИНАЦИЯ «Проза». 2 возрастная категория	
Татьяна Кузнецова. Степаныч	47
Елена Рябчикова	50
Исповедь сапожек: сказка	
Сила жизни: быль	
Австралийский красавец (эвкалипт): рассказ	
Свидание: рассказ	
Праздник: рассказ	
Валентина Кашляева. В очередь!	54
НОМИНАЦИЯ «Вот вам – крылатые учителя, вот вам искусство полёта и пения». ПОЭЗИЯ. 2 возрастная категория	
Константин Белый	61
НОМИНАЦИЯ «Вот вам – крылатые учителя, вот вам искусство полёта и пения». ПРОЗА. 1 возрастная категория	
Екатерина Осадчая. Любимая учительница	65
Алёна Кузнецова. «Не смейте забывать учителей!»	68
Екатерина Меньщикова. 50 лет на своем месте	70

НОМИНАЦИЯ «Вот вам – крылатые учителя, вот вам искусство полёта и пения». ПРОЗА. 2 возрастная категория	
Галина Маринова. Учитель пения: эссе	73
Марина Антипина. Энергия света	75
Любовь Боталова. Учитель! Учитель!	76
СПЕЦИАЛЬНЫЕ ДИПЛОМЫ ФЕСТИВАЛЯ	
Елена Мальцева. Стихи	81
Ольга Свириденко. Стихи	84
Юлия Зиберт. Стихи	86
Анастасия Ходырева. К папе!	89
Татьяна Кибанова	94
Откуда берётся мясо?: былль	
Грустная история	
Бабушкина тыква	
Дуду и её мечта	
Екатерина Савинцева. Райкин хлеб	96
Фотолетопись фестиваля	99
Авторы альманаха	108
Содержание	110

Литературно-художественное издание

Решетовские встречи

Альманах № 6

2023

Авторы фотографий:

Брандман Виктор Михайлович

Гросу Ирина Викторовна

Мальцев Алексей Васильевич

Нелюбин Николай Евгеньевич

сообщество «Библиотеки Березников» социальной сети ВКонтакте

В оформлении использован рисунок из открытых источников

МУНИЦИПАЛЬНОЕ АВТОНОМНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА»
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. Н. А. ОСТРОВСКОГО

МО «ГОРОД БЕРЕЗНИКИ»
УЛ. ЛОМОНОСОВА, 115
ТЕЛЕФОНЫ: (3424)25-68-85; 25-67-54
САЙТ: www.berlib.ru
